

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2020 ТОМ 12 № 1

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии

С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

Заместитель

главного редактора

И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля (Греция)

Ответственный секретарь серии

Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, доктор исторических наук, профессор Каирского университета (Египет)

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета (Австралия)

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

К Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру (Индия)

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цель и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 20.03.2020. Выход в свет 30.03.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 7,475. Тираж 500 экз. Заказ № 19. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2020 VOLUME 12 NUMBER 1

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor-in-Chief

I.D. Stefanidis, Professor of the Aristotle University (Greece)

Executive Secretary

E. Bazanova, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of World History of RUDN University

Members of Editorial Board

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Narangoa Lee, Professor in Australian National University (Australia)

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Variku K, Professor in the University Jawaharlal Nehru (India)

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Iu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Якеменко Б.Г.** Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного 7
- Данилов В.В.** Проблема нелегальной миграции в средиземноморской политике Италии 17

ИЗ ИСТОРИИ АФРИКИ

- Камара Сиди.** История понятия государства в Западной Африке: от разрушения империй до появления современного государства в результате колонизации (на примере Мали) (ENG) 28

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Забелла А.А.** Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на развитие отношений между Китаем и странами Африки 35
- Михайлов С.А.** Экономические и социальные меры правительства Нарендры Моды по решению проблемы сепаратизма в Северо-Восточной Индии 47

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

- Филимонова К.Н., Зуева Е.Г.** Архитектурно-парковый ансамбль Альгамбра и Хенералифе как объект культурного наследия и туристский ресурс ... 60
- Дындарь Г.И., Попова Е.А.** Некоторые аспекты влияния музеев на формирование исторической памяти 72

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Лепешкин А.А.** Вторая Гаванская декларация как политический манифест социалистического этапа кубинской революции 81

CONTENTS

DISCUSSIONS

- Yakemenko B.** The world of concentration camp in Nazi Germany. The main features of the phenomenology of the unknown 7
- Danilov V.V.** The problem of illegal migration in Italian Mediterranean policy 17

AFRICAN STUDIES

- Camara Sidy.** The history of the Notion of the State in West Africa: from the destruction of empires to the emergence of the modern state resulting from colonization (the case of the Mali Empire) 28

ORIENTAL STUDIES

- Zabella A.A.** The impact of the China -Africa cooperation Forum on the deepening of relations between China and Africa 35
- Mikhailov S.A.** Economic and social measures of Narendra Modi's government to solve the problem of separatism in North – Eastern India (NER) 47

HISTORY OF CULTURE

- Filimonova K.N., Zueva E.G.** The palace and fortress complex Alhambra and Generalife as cultural heritage and tourist resource 60
- Dyndar G.I., Popova E.A.** Some aspects of museums influence on the formation of historical memory 72

IBEROAMERICAN STUDIES

- Lepeshkin A.** The Second Declaration of Havana as the political manifest of the socialistic stage of the Cuban Revolution 81

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ DISCUSSIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-7-16

Научная статья

Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного

Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Система концентрационных лагерей нацизма, невзирая на обилие специальной литературы на эту тему, является феноменом, который только сегодня историческая наука начинает для себя раскрывать. Особенно сложной сферой для исследователей был и остается внутренний мир узников лагерей, ментальные, психологические и физические состояния, в которых оказывались заключенные. Это связано с тем, что одной из самых сложных проблем, с которой сталкивается исследователь феноменологии Концентрационного мира, становится непосредственно проблема понимания указанного явления. Возможно ли понять эту феноменологию и если возможно, то в какой степени? В статье делается попытка ответить на этот вопрос исходя из рассмотрения различных состояний узника в лагере.

Ключевые слова: концлагерь, понимание, нацизм, психология, узник, свидетель

В данной статье речь пойдет о нацистских концентрационных лагерях как феномене социальной жизни и общественной мысли Европы середины – второй половины XX столетия. Феномене, масштаб влияния которого на общественное сознание европейцев до сих пор до конца не осознан. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, в связи с чем забвение или даже оправдание худших страниц истории XX в. становится инструментом влияния на социум, средством решения политических и экономических проблем, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Это делает данную статью особенно актуальной, тем более что интерес к нацистским концентрационным лагерям в европейской

© Якеменко Б.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

исторической науке и общественном пространстве возрастает прямо пропорционально удалению нацистских концентрационных лагерей в горизонт прошлого [1. С. 28–35]. Одним из репрезентативных показателей этого интереса является активное развитие в последние годы одного из направлений «археологии современной истории» – археологии лагерей (*Lagerarchäologie*), в рамках которой исследуются территории бывших нацистских концентрационных лагерей [2].

Сегодня в европейском интеллектуальном пространстве активно идут споры по поводу исторической памяти и ее форм. В ходе этих дискуссий исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов [3. С. 87–106]. Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х гг., когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками.

Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти [4]. И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее, если Герой вступал в конфликт с виновником случившейся трагедии, то Жертва ищет с ним компромисса, который основывается на взаимном признании истории «другого». На место зверств, которые пережили узники, после ухода всех непосредственных свидетелей трагедии приходит способность к рефлексии по поводу зверств и обмен воспоминаниями жертв и преступников. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулирует память об общем прошлом.

Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу. В этих условиях закономерно возникает несколько вопросов. В каких формах будет происходить осознание произошедшего, сохраняется ли у нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? В чем социальный и политический смысл новой культуры памяти? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности?

Однако западноевропейская историографическая база тематики, связанной с нацистскими концентрационными лагерями, пополняется сегодня, главным образом, историческими и социологическими исследованиями. Они добавляют многое к уже существующей фактологической картине, но не касаются нацистских концентрационных лагерей как источника для изучения

ранее не исследованных состояний человеческого сознания, государства и социума. Что касается отечественной историографии, то в ней не существует серьезных исследований феноменологии «Концентрационного мира» и данная статья – это первая попытка подобного рода.

Употребленное выше словосочетание «Концентрационный мир», вынесенное в заголовок данной статьи, впервые в названии своей работы употребил в 1946 г. Д. Руссе (l'univers concentrationnaire) [5] и, на наш взгляд, это словосочетание наиболее точно и обобщенно передает суть рассматриваемого явления. Поэтому оно будет использоваться в тексте настоящей статьи без кавычек.

Концентрационный мир нацизма стал уникальным явлением, местом, где была установлена монополия на исторический процесс, носителем которого становилось тотальное государство, определявшее субъектный и устанавливавшее объектный статус тех, кто попадал в орбиту лагеря. В Концентрационном мире история уступала место мифологии, там воскрешались архаические, пралогические формы мышления и действия, упразднились правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Их формы и разновидности становились главными маркерами категорий «населения» мира. Поэтому Концентрационный мир являлся основой, на которой строилось, в терминологии Карла Шмитта, «тотальное государство» Третьего Рейха и тоталитарность как его неотъемлемая часть. Этот мир стал местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека, насильно интегрированного в это государство и способного раствориться в тоталитарности.

Идеология «обновления человека», которая владела Европой в первой четверти XX столетия и выливалась, в частности, в России в «новую биологию», «биокосмизм» и попытки вызвать «катаклизматическое» перерождение всего населения планеты, в нацистской Германии легла в основу создания Концентрационного мира – территории, где любая невозможность становилась возможностью, где рушились все прежние иерархии и строилась новая структура мира и государства. Именно Концентрационный мир создал несколько социальных и политических «формул», которые позволяют и сегодня понять логику действий человека и государства в условиях крушения общепринятых норм и правил. Не случайно в наши дни историки, политики, общественные деятели все чаще обращаются к истории Концентрационного мира, рассуждения о роли и месте освободителей лагерей используются как аргумент в современной политической риторике, обвинения в проповеди нацизма и реализации «холокоста» звучат в адрес самых разных политических лидеров. Поэтому понимание многих процессов, происходивших в нацистских лагерях, исключительно важно для поиска ответов на вопросы, которые ставит современная политическая и социальная реальность.

Концентрационный мир стал территорией, где была сделана попытка отделить настоящее от прошлого, разрешить конфликт между прошлым, окрашенным памятью о Версале, и настоящим, пронизанным мечтами о «Тысячелетнем Рейхе» в рамках не продолжения истории, а в порядке ее преодоления, то есть возбуждения в истории бессилия, отмены власти истории над жизнью и человеком. Концентрационные лагеря нацизма стали попыткой в целом перспективно выйти из кризиса Западного мира, констатированного О. Шпенглером. Этот выход осуществлялся через радикальную отмену всех норм и правил, которые, как считалось, и привели к этому кризису, то есть оказались ложными. Массовое и тотальное уничтожение не только людей, но также памятников культуры и населенных пунктов (наиболее характерный пример – чешская деревня Лидице, где нацисты уничтожили все строения и вывезли их обломки, засыпали пруд, отвели реку в новое русло, разровняли дорогу, которая вела к деревне, и опустошили даже местное кладбище) создавало обширное пустое пространство на месте истории, куда предполагалось поместить мифологию.

Традиционная схема «Древний мир – Средние века – Новое время» должна была получить свое завершение в Концентрационном мире, в котором времени уже не существовало – многие узники отмечают, что у них возникало странное ощущение деформации времени, его отмены («Времени не было. Сколько времени мы простояли на ветру? Час? Один жалкий час? Шестьдесят минут?» – спрашивал себя узник Освенцима Э. Визель [6. С. 74]), запуска механизма языческого (по Л. Альтюссеру – «невротического») [7. С. 138]) круговращения реальности, где каждый узник, каждый эсэсовец, каждый барак при всей их внешней разности многократно повторялись в окружающей действительности как один и тот же «усредненный», наделенный признаками знака узник, эсэсовец и барак. Это состояние попытался воссоздать в своем девятичасовом фильме «Шоа» (1985 г.) К. Ланцман, применив особый вид монтажа, с помощью которого свидетельства, пейзажи, персонажи все время возвращаются к некоей «точке бифуркации», которая остается неосязаемой и неатрибутируемой в конкретных категориях, однако именно эта точка и формирует всю логику фильма.

Концентрационный мир был, в отличие от остального мира, характеризуемого принципиальной невозможностью завершенности, структурой завершенной, и эту завершенность закономерно утверждала смерть, занимающая основную часть метафизического и мифологического пространства концентрационного лагеря. Эта эсхатологическая завершенность легла в основу попытки переучреждения государства, фундаментом которого традиционно и ритуально становилась кровь жертв, правда, не лучших, как было в языческих обществах, а, как считалось, худших. При этом кровь была важнейшим условием, исключающем остановку или движение назад, условием, заставляющим идти только вперед, так как в противном случае осознание того, что огромные жертвы были принесены напрасно, стало бы главным

стигматизатором системы и не позволило бы ей уцелеть. Кроме того, кровь являлась самым убедительным доказательством того, что развитие и утверждение системы не фикция, что поставленные задачи решаются ею на пределе собственных возможностей. Реальность крови становилась знаком реальности происходящего, только кровь имела значение, становилась безусловным фактором, в то время как все остальные были условны.

Выход «плохой» крови, замедление а затем и полная остановка ее воспроизводства через массовое уничтожение людей должны были привести к очищению структуры существующей системы и стать залогом вечного существования нацистского государства. Это существование понималось не как приобретенное свойство системы, а как изначальное ее свойство, обеспечиваемое отсутствием внешних деструктивных факторов, могущих стать причиной ее гибели. То есть нацистское государство было как бы изначально явлено, существовало всегда (его проявления в своих прозрениях видели, по мнению нацистских лидеров, Ницше и Вагнер), но было погребено под спудом отживших традиций, отработанных идей, прежнего политического и экономического порядка, лишних, чужих людей.

В этих условиях главной задачей становилась тотальная «расчистка» этих наслоений, эффективность которой обуславливалась полным упразднением всех ранее существовавших моральных, идеологических, политических, антропологических границ. Второй, не менее важной задачей, было не допустить любой внешней угрозы. Поэтому не имело значения, кого уничтожать – детей, стариков или солдат, возраст и состояние жертв не принимались в расчет, речь шла не о терминах, не о категориях, а о свойствах и качествах. Еврейский или цыганский ребенок был прежде всего только евреем или только цыганом, а не ребенком, уничтожали просто, вообще, евреев, цыган, русских, поляков, а не стариков и женщин, не уничтожали людей, а стирали темные пятна с безукоризненного образа вечного, изначального Рейха. Такой подход, обеспеченный на практике точно выстроенным процессом дегуманизации жертв, сведенных к пронумерованным биологическим объектам, исключал упреки в жестокости и бесчеловечности, и именно поэтому нацистские преступники, такие как Адольф Эйхман, оказавшиеся на скамье подсудимых, искренне не понимали предъявляемых им обвинений.

Концентрационные лагеря обеспечили, помимо тоталитарности, абсолютную (тотальную) тотальность нацистского государства, именно в лагерях велась возгонка этой тотальности, которая пронизывала собой все. Под тотальностью мы понимаем доведенные до предела прочности социальные и ментальные связи, обеспечивавшие изнутри (в отличие от тоталитарности, обеспечивавшей извне) слияние общества в массу. То есть масса – это следствие тотальности, это общество, сжатое до сверхвеличин, когда ментальное и даже физическое расстояние между социальными и антропологическими объектами становится сверхмалым, когда идея превращается в физиологию или даже биологию и наоборот и тотальность выступает главным инструмен-

тарием этой трансформации. Иллюстрацией к этому тезису являются фильмы Лени Рифеншталь и многочисленные свидетельства о физиологическом или даже сексуальном возбуждении толпы во время выступлений Гитлера.

От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы или даже под ее поверхностью [8. С. 29]. При этом тотальность закономерно была тем абсолютнее, чем больше людей попадало в лагеря и чем жестче было с ними обращение. Не случайно первый период истории Концентрационного мира (до 1940 г.) – это лагеря для перевоспитания и исправления (преимущественно трудовые), где заключенные сохраняли некоторые права и даже освобождались (в первые месяцы Великой Отечественной войны из лагерей освобождали даже военнопленных (белорусов, украинцев, прибалтов) – за три месяца войны освободили около 300 тысяч человек [9. С. 213]), и только с активным развитием событий Второй мировой войны, когда тотальность по сути сменяет государство, начинается второй этап. Именно тогда создаются лагеря смерти. Концентрационные лагеря были главным и непеременимым условием существования этой тотальности, они были теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием этатистского самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Осью Концентрационного мира, на которой держалось все – от архитектурной формы лагерей до внутреннего распорядка – было абсолютизированное, отменяющее любую рефлексию насилие. В концентрационных лагерях насилие в ходе преодоления истории компенсаторно встало на ее место рядом с мифологией (мифология традиционно не просто сопровождается насилием – насилие есть одно из основных средств превращения истории в мифологию), став основной движущей силой государства, что подтверждает высказанный выше тезис о неотменимости лагерей в будущем. Насилие, использовавшееся нацистским государством в первый период своего существования как средство, в Концентрационном мире стало целью, сущностью нацистского государства, сменившей все формы ненасильственного принуждения, существовавшие ранее, за пределами лагерей.

Беспрецедентность насилия во многом объяснялась тем, что оно было постоянно ощущаемым следствием чрезвычайного давления государства на общество, через насилие государство предъявляло себя социуму. В результате этого давления должна была выкристаллизоваться упомянутая выше принципиально новая категория людей (как при чрезвычайном давлении графит превращается в алмаз), которая обеспечит необратимость времени. Не случайно строительство «нового человека», поиски новых физических воз-

возможностей человека, выливающиеся в Концентрационном мире в изуверские эксперименты над людьми, пронизывают всю идеологию Третьего Рейха.

При этом главным объектом этого давления были как раз не столько узники, сколько эсэсовцы, обслуга лагерей, оказавшиеся между молотом и наковальней – государством и заключенными. Именно эсэсовцы должны были стать теми самыми «новыми людьми». Государство оказывало на них административное, уставное, идеологическое давление сверху, они, в свою очередь, становились «усилителями сигнала», трансформируя это давление в насилие по отношению к заключенным. Последние отвечали как активным (акты неподчинения, саботаж, обман), так и пассивным (крик, видимые мучения, проклятия) сопротивлением, то есть давили снизу. Это не делает эсэсовцев страдающей стороной, но объясняет место и роль насилия в Концентрационном мире.

В условиях, когда Третий рейх и его фюрер официальной пропагандой описывались в религиозных категориях как сбывающаяся мечта человечества о светлом, сияющем, совершенном мире [10], когда были очерчены контуры новой, квазизыческой структуры, которая должна была религиозно оформить Третий Рейх, Концентрационный мир становился знаком преисподней, поглощающей тех, кто выброшен из своей биографии и из бытия, краем света, за которым темнота. Это сознавали и сами его организаторы. «Гауптшарфюрер Гило, гарнизонный врач, – вспоминал комендант Освенцима Р. Гесс, – был прав сегодня, говоря, что мы здесь находимся при *anus mundi* (анальном отверстии мира)» [11. С. 202]. И если метафизической основой Третьего Рейха становится квазизычество, то концентрационные лагеря выполняют роль капищ или даже «городищ-святилищ», где день и ночь пылают жертвенные костры, на которых приносятся многотысячные жертвы идолам нового религиозного культа.

Насилие было необходимым условием формирования указанной структуры, так как оно в архаических практиках (воскрешение архаических, пралогических практик в нацистском государстве может стать темой отдельной работы) было источником священного. «Именно опыт насилия интерпретировался, как нечто сверхъестественное, – говорит антрополог Р. Жирар – потому что когда люди спасаются через опыт коллективного насилия, они не могут думать, что они сами совершили насилие – им приходится придумывать какую-то стоящую над ними силу. Это и есть начало религии» [12. С. 38]. Именно в этих квазизыческих категориях разнообразие форм насилия и убийства напрямую соотносилось с разнообразием статусов узников и их поступков, определяло в системе место вождя и становилось структурообразующим метафизическим началом.

При этом насилие могло существовать и действовать только там, где «возможно все», то есть в пространстве невозможного, которым стал Концентрационный мир. Из этого «невозможного» вытекало кажущееся абсурдным положение, которое было точно зафиксировано Х. Арендт: «Поддержи-

вать работу фабрик смерти было важнее, чем выиграть войну» [13. С. 398] Однако это было именно так. Экономическая целесообразность концентрационных лагерей постоянно приносилась в жертву политической необходимости и идеологическим фантомам. Ничем иным нельзя объяснить «уничтожение миллионов расовых врагов, вне зависимости от их потенциальной полезности для военной экономики Рейха» [14. С. 665]. Экономика – это рациональность, объективность, имеющая понятные категории измерения, в то время как насилие направляется и подпитывается иррациональностью, оно есть порождение фантомов сознания, следствие субъективности, возведенной в абсолют, доведенной до пределов, даже если эта субъективность воплощена в рамках государственной идеологии.

Вместе с этим Концентрационный мир стал местом, где произошел сброс традиции, что позволило допустить массовые убийства и радикально очистить структуру государства в преддверии остановки времени и полного исчерпания истории. То есть лагеря стали местом утилизации протестных и вообще любых антисистемных настроений, знаком окончательного разделения общества на тех, кто достоин и тех, кто обречен. Концентрационный мир стал ответом на соблазн совершить прямой скачок в будущее, проигнорировав период долгого строительства. Война и насилие в человеческой истории всегда были способом ускорения исторического времени, кардинального решения накопившихся серьезных проблем. Эти проблемы в мирное время (то есть в обычных обстоятельствах) нередко невозможно решить, но можно это сделать в чрезвычайных обстоятельствах, которые складываются в ходе войны, и они же оправдывают все военные издержки, прежде всего, морального плана, согласно распространенной формуле «победителей не судят».

Именно поэтому Концентрационный мир решал сразу несколько глобальных задач. Двигал вперед некоторые отрасли экономики (причем это движение почти ничего не стоило – рабский труд был дешевле труда животных), создавал «нового человека» из эсэсовцев и тех заключенных, которые были кооптированы системой, и, наконец, «легально» уничтожал тех, кто не соответствовал новым требованиям. Таким образом, именно в концентрационных лагерях строилась новая социальная структура Рейха и деиерархизировался старый мир.

Концентрационный мир стал возможен как совокупность нескольких факторов, которые по отдельности не представляли глобальной опасности, но сложились в систему, равной которой по степени бесчеловечности в истории не существовало. Среди этих факторов бюрократия, техника, транспорт, средства связи. Каждый из этих факторов можно объяснить и принять, но их синхронное суммирование приводит не к пониманию явления, а наоборот – полученная сумма являет собой совершенно иррациональное явление. Связанные в единую систему, доведенную до пределов рациональности, все эти факторы привели, главным образом, к тому, что массовые убийства стали формальностью, совершение которой не причиняло моральных

страданий исполнителям. Совпадение трех условий, по мнению Герберта С. Кельмана – насилие узаконивается, действия рутинизируются, жертвы насилия дегуманизируются [15. С. 38] – имело закономерным финалом Концентрационный мир, который стал тестом на скрытые возможности современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- [2] Bernbeck R., Pollock S. “Archäologieder Nazi-Zeit” Diskussionenund Themen // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2.
- [3] Levy D., Szeide r N. Memory Unbound. The Holocaustand. The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1).
- [4] См. <https://collections.arolsen-archives.org>.
- [5] Rousset D. L’univers concentrationnaire. Paris. Hachette Litteratures, 1946.
- [6] Визель Э. Ночь. М., 2017.
- [7] Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер. М., 2016.
- [8] Buchenvald K.L. Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation., 2006.
- [9] Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017.
- [10] Клемперер В. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840
- [11] Кремер Б. Освенцим в глазах СС. Гесс. Государственный музей в Освенциме, 1975.
- [12] Покой убийством. Беседа Р. Жирара с А. Ритулсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017.
- [13] Арндт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018.
- [14] Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018.
- [15] Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013

REFERENCES

- [1] Vel’cer H. Istoriya, pamyat’ i sovremennost’ proshlogo. Pamyat’ kak arena politicheskoy bor’by // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41).
- [2] Bernbeck R., Pollock S. “Archäologieder Nazi-Zeit” Diskussionenund Themen // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2.
- [3] Levy D., Szeide r N. Memory Unbound. The Holocaustand. The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1).
- [4] См. <https://collections.arolsen-archives.org/>
- [5] Rousset D. L’univers concentrationnaire. Paris. Hachette Litteratures, 1946.
- [6] Vizel’ E. Noch’. M., 2017.
- [7] Vstrecha: Merab Mamardashvili – Lui Al’tyusser. M., 2016.
- [8] Buchenvald K.L. Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation, 2006
- [9] Dvornichenko O. Klejmo. Sud’by sovetskih voennoplennyh. M., 2017.
- [10] Klemperer V. Yazyk Tret’ego Rejha. Zapisnaya knizhka filologa. https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840

- [11] Osvencim v glazah SS. Gess. Broad. Kremer. Gosudarstvennyj muzej v Osvencime, 1975.
- [12] Pokoj ubijstvom. Beseda R. ZHirara s A. Ritulsom // Rigas Laiks. 2017.
- [13] Arendt H. Opyty ponimaniya. 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm. M., 2018.
- [14] Tuz A. Cena razrusheniya. Sozdanie i gibel' nacistской ekonomiki. M., 2018.
- [15] Bauman Z. Aktual'nost' Holokosta. M., 2013

Research article

The world of concentration camp in Nazi Germany. The main features of the phenomenology of the unknown

Boris Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, Russia, 117198

The system of concentration camps of Nazism, despite the abundance of special literature on this topic, is a phenomenon that only today historical science begins to reveal to itself. The inner world of the prisoners in the camps, the mental, psychological and physical conditions in which the prisoners found themselves, was and remains a particularly difficult area for researchers. This is due to the fact that one of the most difficult problems faced by the researcher of the phenomenology of the Concentration world is directly the problem of understanding this phenomenon. Is it possible to understand this phenomenology, and if so, to what extent? The article attempts to answer this question based on the consideration of the various conditions of the prisoner in the camp.

Keywords: Concentration camp, understanding, Nazism, psychology, prisoner, witness

Информация об авторе / Information about the author

Якеменко Борис Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры Истории России Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Yakemenko Boris – *PhD in History*, People's Friendship University of Russia, Moscow. E-mail: Borislj@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Якеменко Б.Г. Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 7–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-7-16>

Yakemenko B.G. The world of concentration camp in Nazi Germany. The main features of the phenomenology of the unknown // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 1. P. 7–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-7-16>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 21.01.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-17-27

Научная статья

Проблема нелегальной миграции в средиземноморской политике Италии

В.В. Данилов

Российский университет дружбы народов
6, ул. Миклухо-Маклая, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается современная проблема нелегальной миграции в Италию и основные способы борьбы с ней. В частности, затрагиваются вопросы ее решения на национальном уровне, а также координации действий на европейском и международном уровнях.

Ключевые слова: Италия, ЕС, ООН, нелегальная миграция, беженцы

Феномен миграции приобрел структурный и долгосрочный характер, который требует совместной ответственности за управление потоками. Италия решает проблему миграционных потоков в Средиземноморье, используя комплексный подход, сочетающий безопасность и солидарность [1]. В вопросе борьбы с нелегальной миграцией Италия с правовой точки зрения опирается на главный законодательный акт в установлении прав беженцев – Конвенцию о статусе беженцев 1951 года. Согласно ключевым положениям конвенции главным аппаратом в регулировании вопроса с мигрантами являются государственные структуры власти, которые обязаны сохранять права и свободы беженцев, следя за созданием правового положения, которым пользуются все прибывшие в чужую страну на общих основаниях [2]. Также действия Италии регулируются Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху [3], дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности [4] и Дублинским регламентом [5]. Согласно этому регламенту у мигрантов нет возможности выбрать страну, в которой они решили просить убежище. Регламент позволяет просить статус беженца только у той страны, в которую мигранты въезжают первой. При этом если возникнет желание сменить страну, мигрантам придется вернуться в исходный пункт прибытия.

© Данилов В.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Принцип сочетания безопасности и солидарности в миграционной политике Италии приводит к тому, что, с одной стороны, Италия продолжает спасательные операции в отношении тысяч мигрантов около своих границ. С другой стороны, правительство Италии стремится через соглашения с африканскими странами пресечь эти потоки. Благодаря такому подходу Италия резко сократила количество незаконных въездов в страну (159 000 мигрантов в 2016 году [6], 111 302 – в 2017 году [7], 13808 – в 2018 году [8]).

Италия также определила три основных направления поиска решений миграционной проблемы: консенсус и поддержка ЕС; инициатива по созданию коалиции из Италии, Германии, Франции и Испании для решения миграционной политики; и развитие значительных двусторонних инициатив с третьими странами, которые будут поддерживаться как политически, так и финансово через европейские институты [9].

Для сохранения этих результатов необходима политическая и финансовая поддержка со стороны всех стран-членов ЕС. Тем не менее, по мнению главы итальянского МИД Энцо Моаверо-Миланези, в ЕС не могут полностью решить вопросы, связанные с миграцией [10]. По его словам, в ЕС нет единой политики по решению этой проблемы, а есть некоторые элементы этой политики. Одним из таких элементов является Дублинское соглашение, которое для Италии является камнем преткновения. Политик считает, что данный вопрос должен рассматриваться с участием стран, из которых эти потоки идут. С точки зрения правительства Италии, для упорядочения процесса в первую очередь необходимо урегулировать вопрос с первичным потоком мигрантов, а затем переходить к решению вопросов с вторичными потоками. Именно направление миграционной политики по развитию двусторонних инициатив с третьими странами является наиболее перспективным.

После принятия декларации [11] между ЕС и Турцией весной 2016 года, которая сократила поток мигрантов в Восточном Средиземноморье, в правительстве Италии было принято решение активизировать свою внешнюю политику в вопросе решения миграционной политики ЕС на южном направлении.

В соглашении по вопросам миграции [12], предложенном в апреле 2016 года тогдашним премьер-министром Маттео Ренци, подчеркивалось необходимость более тесного сотрудничества со странами – источниками миграции, в первую очередь африканскими, в целях стратегического управления миграционными потоками. Эта инициатива была позже утверждена в новых рамках Европейской повестки дня по миграции с третьими странами [13].

В этом контексте МИД Италии подготовил документ, содержащий основные положения по созданию безопасных, упорядоченных и регулярных миграционных потоков [14]. Положения этого документа, направленные на усиление внешнего измерения миграционной политики, связаны, прежде всего, с растущим осознанием того, что невозможно эффективно справиться с постоянным миграционным давлением только с помощью внутренних мер или пограничного контроля. Должны быть заключены соглашения о сотруд-

ничестве с третьими странами. Тем более это актуально при отсутствии согласия между странами ЕС относительно критериев и механизмов распределения ответственности в управлении мигрантами на европейской территории.

Кроме того, растущая общественная обеспокоенность миграционной проблемой и неизбежность выборов подтолкнули правительство Джентилони к активизации дипломатических действий в отношении стран – источников миграции. Следуя руководящему принципу «управления потоками», итальянская политика была сосредоточена главным образом на вмешательстве в страны отправления миграции [15]. Значительное сокращение миграционных потоков рассматривалось как фундаментальное условие не только для решения социальной напряженности внутри страны, но и для придания большей легитимности и авторитета позиции Италии в ЕС по ключевым пунктам общей миграционной политики, а именно переселению лиц, ищущих убежища, и реформе Дублинского регламента и Шенгенской зоны.

Начало новой эпохи двусторонних соглашений Италии с третьими странами отправления миграции, направленных на решение проблемы миграционных потоков, было положено подписанием Меморандума о взаимопонимании между Италией и Ливией. Возобновление сотрудничества в области контроля над миграцией с Ливией значительно повысило авторитет и престиж Италии как поборницы решения миграционной проблемы Евросоюза [16]. В дополнение к укреплению системы пограничного контроля на суше посредством сотрудничества с местными властями и правительством, поддерживаемым ООН в Триполи, Италия сосредоточилась на укреплении возможностей ливийской «Береговой охраны», а также на разработке «кодекса поведения» для международных НПО. Ведутся поисково-спасательные работы в Средиземном море.

Министр иностранных дел Италии Альфано председательствовал 6 июля 2017 года на международной конференции «Совместная ответственность за общую цель: солидарность и безопасность» [17]. В мероприятии приняли участие правительственные чиновники из африканских стран – источников миграции и стран-членов ЕС, которые участвуют в управлении миграционными потоками: Алжир, Австрия, Египет, Германия, Ливия, Испания, Мальта, Нигер, Нидерланды, Судан, Тунис, Франция, Чад, Эстония, Эфиопия. В конференции также приняли участие Генеральный директор Международной организации по миграции Уильям Свинг, заместитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев Волкер Тюрк и представители Европейской службы внешних действий Европейского Союза.

В совместной декларации, принятой на конференции, участники подтвердили необходимость соблюдать международные обязательства в области прав человека и более эффективно защищать мигрантов и беженцев; согласились способствовать добровольному возвращению мигрантов на родину; возобновили свою поддержку Международной организации по миграции и Высшей комиссии ООН по делам беженцев; подчеркнули необходимость расширения сотрудничества для борьбы с торговлей людьми; под-

твердили необходимость устранения коренных причин миграции, предлагая местному населению не миграцию, а экономическую поддержку в своей стране.

Для систематизации сотрудничества Италии с африканскими странами по миграционной проблеме указом МИД Италии был создан «Фонд для Африки» [18]. Этот специальный фонд предназначен для инициатив в следующих областях: техническая поддержка; обучение; помощь в борьбе с торговлей людьми; развитие местных сообществ; получение информации о нарушении прав человека; защита беженцев и других уязвимых групп мигрантов, особенно несовершеннолетних. Благодаря Фонду для Африки ряд мероприятий во многих африканских странах происхождения и транзита миграционных потоков уже профинансирован, через компетентные международные организации в области миграции, такие как УВКБ и МОМ. Взаимодействие между итальянскими и европейскими финансовыми органами демонстрирует тот факт, что основной вклад Италии в Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки (EUTF) происходит из итальянского фонда для Африки, и что определенные финансируемые EUTF проекты находятся в ведении или реализации итальянского агентства по сотрудничеству и развитию или итальянского министерства внутренних дел.

Еще одной важной инициативой, которую поддерживает Италия через министерства внутренних и иностранных дел, является программа «гуманитарные коридоры», вытекающая из межконфессионального соглашения (Сообщество святого Эгидия, вальдензийские общины и Федерация евангелических церквей) в сотрудничестве с УВКБ ООН. Эта инициатива направлена на переселение в Италию особенно уязвимых мигрантов, нуждающихся в международной защите.

Несмотря на усилия правительств Ренци и Джентилони, которые успешно сократили количество прибывающих мигрантов в Италию на 34 процента по сравнению с 2016 годом [19], 64 процента респондентов по-прежнему считали итальянскую миграционную политику в начале 2017 года провальной [20]. Это повлияло на общественное мнение в ходе избирательной кампании и укрепило позиции правоцентристской коалиции в составе партий «Лига», «Вперед, Италия», «Братья Италии», а также «Движения пяти звезд», выступающих против тогдашнего проводимого Демократической партией «мягкого» курса в вопросе миграции.

Избирательные программы этих партий занимали гораздо более жесткую позицию в отношении пресечения миграционных потоков, подчеркивая нереалистичность политики Джентилони и необходимость принудительного возвращения мигрантов. При этом Сальвини специально игнорировал тот факт, что Италия уже была осуждена Европейским судом по правам человека за такую акцию еще в 2012 году [21].

В результате итальянская избирательная кампания характеризовалась все более ксенофобской и антимиграционной риторикой. Предвыборные агитационные слоганы «Лиги» «только итальянцы» или «остановить втор-

жение» и случаи насильственных действий и краж со стороны беженцев обостряли напряженность, кульминацией которой стали многочисленные случаи физических нападений и актов запугивания в отношении мигрантов, беженцев и лиц, занимающих более либеральную позицию в отношении этого явления [22].

После победы «евроскептических» сил в Италии Сальвини, бывший глава МВД Италии (июнь 2018 года – 5 сентябрь 2019 года), ужесточил многие черты миграционной политики Италии своего предшественника Миннити (декабрь 2016 года – июнь 2018 года), для которой характерны более мягкие меры, направленные на пресечение притока мигрантов из Северной Африки. Курс Миннити базировался на более глубоком международном взаимодействии со странами отправления миграции через подписание Меморандума о взаимопонимании с ливийским правительством в Триполи [23] и укрепление связей с Нигером, поддержку европейских миссий в Средиземном море, в том числе военно-морской операции ЕС «София», и указ, который упорядочил судебные процедуры, исключив возможность обжалования в случае отклонения ходатайств о предоставлении убежища, а также увеличение количества центров репатриации с четырех до двадцати [24]. Наибольшее расхождение заключалось во внутренней и пограничной политике, в то время как внешняя миграционная политика осталась прежней.

Правительство Конте несколько меньше, чем кабинет Джентилони, стремилось к сотрудничеству с заинтересованными сторонами на уровне мэрий, как на побережье Средиземного моря, так и в южном регионе Ливии Феццан [25].

Что касается пограничного контроля, новое правительство обозначило курс преемственности в отношении сотрудничества с ливийской береговой охраной. Тем не менее, в политических кругах Италии не считали это достаточным для сдерживания миграции в страну и поэтому существенно ужесточили политику в этом измерении. Выходя за рамки тех ограничительных мер, которые определил Миннити для НПО, Сальвини объявил о политике полного закрытия итальянских портов для судов любых неправительственных организаций, занимающихся перевозкой беженцев, угрожая арестовать членов экипажа и конфисковать суда. Италия также приостановила свою поддержку военно-морской операции ЕС «София», что способствовало выводу всех ее военно-морских средств после продления мандата в марте 2019 года [26].

Хотя такое ужесточение морского пограничного контроля Италии оказалось трудным для осуществления, оно, тем не менее, имело серьезные последствия. В связи с тем, что такие действия противоречат принципам гуманитарной помощи и международному праву и непосредственно влияют на безопасность мигрантов, правительство Италии подверглось жесткой критике со стороны других европейских стран.

Более того, ужесточение морского пограничного контроля не было уравновешено более ориентированной на интеграцию политикой. Напротив, более жесткий подход был также принят в отношении уже прибывших ми-

грантов, что серьезно сказалось на управлении интеграционной системой Италии для лиц, ищущих убежища, и беженцев, а также социальных работников и гражданского общества. Основным законодательный инструмент, одобренный правящей коалицией, Закон о безопасности от октября 2018 года [27], ограничил доступ к гуманитарной защите беженцев при пересмотре системы приема мигрантов в Италии.

Такая ограничительная политика в отношении миграции являлась инициативой «Лиги», при этом роль «Пяти звезд», старшего партнера правительственной коалиции, оставалась незначительной и противоречивой. В самом движении не было единого выработанного подхода к миграционной проблеме. Зачастую «пятизвездочники» через действия Парламента одобряли и защищали миграционные инициативы Сальвини с целью ограждения главы МВД от судебных разбирательств за незаконное задержание мигрантов, оказавшихся в море и лишенных прав на высадку [28]. Иногда, наоборот, призывали к разрешению на высадку женщин и детей, оказавшихся на борту судов НПО [29]. Такая неоднозначность, среди прочих провалов во внутренней политике, способствовала печальным результатам движения на выборах в Европарламент (17 процентов по сравнению с 32,7 процента в марте 2018 года). Этот результат усилил позиции партии «Лига» Сальвини в Италии, изменил баланс сил в итальянском правительстве, но также и увеличилась изолированность Италии в Европе [30].

Такие политические решения в отношении миграционного вопроса в сочетании с национализмом и пренебрежением в отношениях с традиционными союзниками и соседями привели к тому, что Италия постепенно стала терять влияние и авторитет как на европейском, так и на международном уровне. Несмотря на привлекательность подобных действий среди населения, на общеевропейском уровне это был саморазрушительный подход, учитывая, что в конечном итоге Италии требуется внешняя поддержка для решения проблемы миграционных потоков. На европейском уровне усиление политизации и идеологические столкновения привели к меньшему согласию и общим действиям. Несмотря на то, что официальные документы и встречи на высшем уровне призывали к более тесному сотрудничеству, на практике происходил постепенный распад единого согласованного подхода ЕС к миграционной политике. Это особенно очевидно во внутреннем измерении ЕС, с ослаблением шенгенской системы и серьезными разногласиями по поводу высадки мигрантов, их переселения и более широкой реформы общей системы предоставления убежища. Резкое несоответствие во взглядах среди стран ЕС сказалось и на внешнем измерении Союза, что привело к срыву общих действий, о чем свидетельствует действия Средиземноморской миссии ЕС «София» без участия военно-морских сил Италии.

Расхождения в подходах Брюсселя и Рима по решению миграционной проблемы ЕС углубили политические разногласия и подорвали единство не только на европейском, но и на глобальном уровне, как показали широко распространенные разногласия по Глобальному договору о безопасной, упо-

рядоченной и легальной миграции [31]. Итальянская сторона не смогла ответить на обвинения Верховного комиссара ООН по правам человека в отношении ее действия в связи с нарушением принципа невыдворения в международном праве в отношении беженцев и прав человека [32], что явилось еще одним примером ослабления уважения Италии к международным институтам, нормам и ценностям, которые она как член ООН и ЕС обязалась продвигать [33].

С целью смягчить последствия своей жесткой миграционной политики Италия провела 12 и 13 ноября 2018 года в Палермо международную конференцию по Ливии. На заключительной пресс-конференции премьер-министр Италии Джузеппе Конте заявил, что «конференция продемонстрировала крепкую сплоченность международного сообщества, которая может ускорить процесс стабилизации, но этим должны заниматься исключительно сами ливийцы» [34].

Ключевым геостратегическим результатом саммита в Палермо стало принятие «пальмы первенства» у Франции в Средиземноморском регионе. Именно Франция до этого саммита позиционировала себя как ведущая средиземноморская держава, основав в 2008 году Союз для Средиземноморья в рамках Евро-средиземноморского партнерства.

Италия посредством своей инициативы под названием «Миграционный договор» побудила Европейскую комиссию утвердить новые рамки партнерства с третьими странами в рамках Европейской повестки дня по миграции [35]. Этот документ положил начало скоординированному и систематическому процессу переговоров по конкретным соглашениям со странами к югу от Сахары (Нигер, Нигерия, Эфиопия, Мали, Сенегал). Цель состояла в том, чтобы поддержать усилия этих стран по совместному управлению миграционных потоков и устранению ее коренных причин. Нигер, территория которого является основным коридором для большинства потоков мигрантов к югу от Сахары, направляющихся в Ливию, а затем в Италию, был определен в качестве ключевого партнера для управления миграцией. В результате страна в последнее время стала основным получателем итальянской помощи. Параллельно Италия утвердила военную миссию в Нигер с развертыванием 470 солдат и 130 транспортных средств, предназначенных для подготовки местных сил, а также для непосредственного участия в деятельности по наблюдению и контролю за границей [36].

Благодаря внешнеполитическим усилиям Италии в рамках ее инициативы ЕК определила конкретные области инвестиций для своего Плана внешних инвестиций. Новый план [37] мобилизовал устойчивые инвестиции в размере 44 млрд евро для Африки и соседних с ЕС стран, в том числе Италии, который был усилен и расширен Европейским фондом регионального развития.

Две встречи на высшем уровне по вопросам мигрантов, проведенные 19 и 20 сентября 2016 года на Генеральной Ассамблее ООН, положили начало переговорным процессам, которые к 2018 году привели к принятию

Глобального договора по беженцам [38] и Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [39]. Активное участие Италии в этих двух инициативах подчеркнуло ее тесное сотрудничество с международным сообществом в целях решения миграционной проблемы, а также ее ориентацию на всеобъемлющий и долгосрочный подход, основанный на двух ключевых принципах: партнерство со странами отправления и транзита миграции и общая ответственность в управлении миграционными потоками и защите мигрантов и беженцев. В этих договорах Италия преследует три основные цели: защита наиболее уязвимых слоев мигрантов и беженцев (женщин и несовершеннолетних); государственные и частные инвестиции в странах отправления и транзита миграции с целью улучшения контроля за миграционными потоками и борьбы с первопричинами миграции; оценка положительных аспектов безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

В целом, на фоне европейской приверженности более мягкого способа решения миграционной проблемы все еще остается вопрос о том, как управлять феноменом миграции среди стран-членов ЕС. Меры по перемещению лиц, ищущих убежища, из Италии и Греции в другие страны ЕС по-прежнему не находят одобрения среди стран-членов организации, а дискуссии о реформе общеевропейской системы убежища, в частности Дублинского регламента, зашли в тупик. Это еще раз подчеркивает, что в ЕС нет единой политики по решению проблемы миграции, а есть некоторые элементы этой политики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Совместное заявление по итогам ЕС-Африканского саммита по миграции в Париже 28 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statewatch.org/news/2017/oct/eu-africa-paris-summit-migration-refugees-statement-28-8-17.pdf>
- [2] Конвенция о статусе беженцев 28 июля 1951 г.
- [3] Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г.
- [4] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г.
- [5] Регламент «Дублин III» (№ 604/2013).
- [6] Record migrant arrivals in Italy as tensions rise [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelocal.it/20161029/record-migrant-arrivals-in-italy-as-tensions-rise>
- [7] Ministero dell'Interno, Cruscotto statistico giornaliero, 31 gennaio 2017 e 31 gennaio 2018, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/it/node/1300>.
- [8] Immigration to Italy: a look at the numbers. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelocal.it/20180612/immigration-to-italy-numbers>.
- [9] Anja Palm, “Leading the Way? Italy’s External Migration Policies and the 2018 Elections: An Uncertain Future”, in IAI Commentaries, No. 18|12, February 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iai.it/en/node/8799>.
- [10] Глава МИД Италии: ЕС должен выработать единую политику для решения миграционного вопроса. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5649753>.

- [11] Соглашение по беженцам по итогам саммита ЕС – Турция 18 марта 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/it/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement>.
- [12] Governo italiano, Migration compact: contribution to an EU strategy for external action on migration, 15 aprile 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.governo.it/node/4509>.
- [13] Commissione europea, Creazione di un nuovo quadro di partenariato con i paesi terzi nell'ambito dell'agenda europea sulla migrazione (CoM/2016/385), 7 giugno 2016.
- [14] Доклад Департамента миграционной политики МИД Италии «На пути к Глобальному договору 2018 года для безопасной, упорядоченной и регулярной миграции», 5 декабря 2017 г.
- [15] Отчет правительства Италии по борьбе с торговлей людьми в Средиземноморье [Электронный ресурс]. URL: <http://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/DF/332428.pdf>.
- [16] Chiara Loschi and Luca Raineri, “Perceptions about the EU’s Crisis Response in Libya”, in EUNPACK Policy Briefs, September 2017, p. 7.
- [17] Выступление главы МИД Италии на второй министерской конференции – «Общая ответственность за общую цель: солидарность и безопасность» [Электронный ресурс]. URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/interventi/2018/02/discorso-dell-on-ministro-alla_22.html.
- [18] Доклад МИД Италии «Стратегия Италии в Средиземноморье по стабилизации кризиса и формированию позитивной повестки дня для региона», с. 27 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/11/rapporto-med-maeci-2017-eng.pdf>.
- [19] Доклад УВКБ ООН «Статистика прибытия беженцев и мигрантов в Европу в 2017 г.» [Электронный ресурс]. URL: <https://data2.unhcr.org/en/documents/details/62023>.
- [20] Ultimi sondaggi: gli effetti del raid di Macerata sulle intenzioni di voto”, in Repubblica, 10 February 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.repubblica.it/politica/2018/02/10/news/ultimi_sondaggi_gli_effetti_del_raid_di_macerata_sulle_intenzioni_di_voto-188527606.
- [21] Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» от 23 февраля 2012 г. (жалоба № 27765/09).
- [22] Francesca Capano, “Italy’s Draft Law on Radicalization: A Missed Opportunity?”, in IAI Commentaries, № 17|34, February 2018.
- [23] Anja Palm, “Leading the Way? Italy’s External Migration Policies and the 2018 Elections: An Uncertain Future”, in IAI Commentaries, No. 18|12, February 2018.
- [24] Open Migration, Why the New Italian Law on Immigration and Asylum Is Not Good News at All, 28 April 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://openmigration.org/en/analyses/why-the-new-italian-law-on-immigration-and-asylum-is-not-good-news-at-all>
- [25] International Crisis Group, “How Libya’s Fezzan Became Europe’s New Border”, in ICG Middle East and Africa Reports, №. 179, 31 July 2017.
- [26] Giulia Mantini, “A EU Naval Mission Without a Navy: The Paradox of Operation Sophia”, in IAI Commentaries, No. 19|33, May 2019.
- [27] Срочные положения по миграции и безопасности Палаты депутатов Италии № 113 от 4 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.camera.it/temiap/documentazione/temi/pdf/1135900.pdf?_1547587756919.
- [28] Nicola Barone, “Diciotti, respinta dal Senato l’autorizzazione a procedere per Salvini”, in Sole 24Ore, 20 March 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilsole24ore.com/art/mare-jonio-porto-lampedusa-35-uomini-e-15-minori-bordo-notificato-sequestro-nave--ABZOh8fB>.
- [29] “Migranti, M5S e Lega ancora divisi, Fico plaude Di Maio”, in ANSA, 6 January 2019, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ansa.it/sito/notizie/cronaca/2019/>

- 01/04/migranti-mediterranea-in-rota-verso-sea-watch-3_619782f7-e1bc-43aa-9384-72ad1dcecdf6.html.
- [30] Nathalie Tocci, “How Italy Lost the European Elections”, in *Politico*, 28 May 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/how-italy-lost-european-election-2019-national-maginalization>.
- [31] Ferruccio Pastore, “Not So Global, Not So Compact. Reflections on the Shitstorm Surrounding the Global Compact for Migration”, in *IAI Commentaries*, No. 19|02, January 2019.
- [32] UN High Commissioner for Human Rights, Joint Communication from Special Procedures, 15 May 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.avvenire.it/c/attualita/Documents/ONUdirittiViolati.pdf>.
- [33] Natalino Ronzitti, “Diritti dell’uomo: rilievi Onu a Italia e risposte inadeguate”, in *Affari Internazionali*, 30 May 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.affarinternazionali.it/?p=74229>.
- [34] Сергей Мануков. Саммит в Палермо: победители и проигравшие [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/11/18/sammit-v-palermo-pobediteli-i-proigravshie>.
- [35] Новое рамочное партнерство ЕС в сфере миграции: укрепление сотрудничества с третьими странами ради более эффективного управления миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/south-east/stay-informed/news/novoe-ramocnoe-partnerstvo-es-v-sfere-migracii-ukreplenie>.
- [36] Italian Ministry of Defence, Increased Engagement in the Mediterranean Area, Military Presence in Iraq Halved, 15 January 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/RacMcx>.
- [37] План внешних инвестиций ЕС: зеленый свет для первых пяти инвестиционных зон [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_fi/36290/План%20внешних%20инвестиций%20ЕС:%20зеленый%20свет%20для%20первых%20пяти%20инвестиционных%20зон.
- [38] Глобальный договор по беженцам УВКБ ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org/ph/the-global-compact-on-refugees>.
- [39] Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 13 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/180713_agreed_outcome_global_compact_for_migration.pdf.

Research article

The problem of illegal migration in Italian Mediterranean politics

V.V. Danilov

Peoples’ Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article discusses the current problem of illegal migration for Italy and the main ways to combat it. In particular, issues of its solution at the national level, as well as coordination of actions at the European and international levels are raised.

Key words: Italy, EU, UN, illegal migration, refugees

Информация об авторе / Information about the author

Данилов Валерий Витальевич – аспирант кафедры Теории и истории международных отношений факультета Гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Danilov Valery – Postgraduate Student of Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: danvcci@icloud.com.

Для цитирования / For citation

Данилов В.В. Проблема нелегальной миграции в средиземноморской политике Италии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 17–27. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-17-27>

Danilov V.V. the Problem of illegal migration in the Mediterranean policy of Italy // RUDN Journal of World History. 2020. Т. 12. № 1. P. 17–27. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-17-27>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.02.2020

ИЗ ИСТОРИИ АФРИКИ AFRICAN STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-28-34

Research article

The history of the Notion of the State in West Africa: from the destruction of empires to the emergence of the modern state resulting from colonization (the case of the Mali Empire)

Camara Sidy

People's Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

This article aims to address the question of the emergence of empires in West Africa from the ninth century to the present day. The author plans to make an in-depth analysis of the political formation of the different empires which have succeeded each other in this vast West African space which nowadays shelters the current republics of Mali and Mauritania in particular and in general throughout other West African countries (Guinea, Senegal, Ivory Coast, Gambia, Burkina Faso, Niger).

The largest and most famous empires that appeared on the territory of what is now Mali is called the Ghana Empire in the 9th century and was succeeded by the Mali or Mandé Empire in the 13th century. The influence of these empires throughout Africa and the rest of the world shows us a particular interest in understanding over time the notion of the State in Africa before the colonization and destruction of the African political system and its replacement by colonial state with the arrival of Europeans.

Today the question of the weakness of the modern or postcolonial state in Africa and Mali poses many questions not only in the concert of nations but also in the academic and university environment.

We will try to demonstrate in this article the link between the break in the evolution of the African state and the imposition of the modern European state through the colonial state which is at the root of the backwardness of African countries in terms political, economic and social compared to the rest of the world.

Keywords: Empire, State, political stability, historical evolution, corruption, European colonization, Postcolonial state, modernization, poverty, West Africa

© Camara Sidy, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Introduction. The question of the African continent in universal history remains scorned compared to other continents in the various research centers and universities around the world. The history of the continent is not studied enough, written and taught not only outside the black continent but also within it. The writing and the written accounts of Africa have long remained unknown or knowingly destroyed and hidden by the European colonizers in order to impose their culture and civilization on the African people in order to better control their mentality and exploit their wealth. Despite the existence of certain African scriptures, especially among the Bamoums in Cameroon, the African tradition is essentially oral and unwritten, unlike the Western tradition, endowed with writing and the written tradition with history.

The absence of writing in many African kingdoms and empires will make Western colonizers and thinkers say that “Africa is an ancient continent”. The desire to deny African culture and civilization in order to promote Western culture that the European settlers will also deny the existence of any civilized political organization in Africa (State).

This is how the study of the notion of the state or its appearance in Africa is still debated today. Yet great empires and kingdoms have radiated the history of the African continent from time immemorial until the beginning of European colonization.

The aim of this research is to shed light on the existence of the state in West Africa long before the emergence of the modern state in Europe. The methodological approach used in this article aims to be historic through the various history and research books by objective historians devoid of any political and racist consideration against the African continent.

The Succession of Different empires in West Africa and actual Republic of Mali. The territory of what is now the Republic of Mali experienced a succession of empires and kingdoms for hundreds of years before the arrival of the first Portuguese explorers in Africa. Among these brilliant empires and kingdoms of West Africa, three stand out more than the others. These are the Ghana Empire, the Mali Empire and the Songhay Empire which we consider necessary to demonstrate in this article. As already explained earlier in the introduction, it is very important to note that state structures shaped the history of West Africa before European penetration. We know that this western part of the continent has seen the flourishing of state structures, empires and kingdoms, city-states and that before “1600, Africa deployed the whole range of formations, from clans to Empires, which involves an incredible amount of political experience” [1. P. 397]. A big difference between the African tradition and the Western tradition is in terms of writing and speaking. One of the major problems for the material justification of the existence and influence of African empires and kingdoms was the absence of writing for several centuries or even millennia. Yet Africa has managed to preserve its history through oral tradition, that is to say the transmission of knowledge and historical accounts by word of mouth from generation to generation.

Few sources relate the founding of states in Africa. The three most important written Arabic sources are those of Ibn Battuta, who traveled to Mali and on the Niger River between February 1352 and December 1353, of Ibn Kaldoun, who wrote a History of the Berbers including notes on Sudan and finally that of Leon the African sent to Sudan around 1517 by the Moroccan princes, who would later write a Description of Africa, a third part of the world [2. P. 51].

Numerous studies have attempted to study the process of the formation of the primitive state [3], namely the transition from an organization based on kinship to a territorialized political organization.

The Empire of Ghana (VIII–XI centuries)

This empire was created by the Soninké (about the 7th century) and at the time of its golden age (9th-11th centuries), it extended from the middle of Senegal to Timbuktu, desert areas inhabited by the Berbers (so the Sahel and part of Nigerien Sudan). The political structure is relatively unknown except that this empire was divided into provinces and kingdoms, themselves subdivided into cantons and villages. The administration of this very large empire is not uniform throughout the territory, probably combining several systems of government: certain kingdoms, such as Diara or Sosso, are vassal kingdoms, ruled by kings who pay tribute and bring a contingent of warriors to the King of Ghana; other kingdoms are ruled by princes of the royal family; provinces are directed by governors, directly attached to the king, whose orders they carry out, raise taxes, ensure pacification and administer justice in his name. Finally, the king's vassals and governors play the role of advisers and ministers to the king, himself assisted by a Prime Minister. The main functions are the administration of the imperial treasury, foreigners, the government of the capital, the palace and the judiciary. The main resources of the empire consist of gold, taxes paid by the subject provinces and kingdoms and taxes collected on trade.

The empire of Ghana occupies a large place in the consciousness of contemporary Africa, as a symbol of the past glories with which we want to reconnect, beyond the humiliations of the colonial era. It was however almost forgotten by the oral tradition, and the historians manage to evoke it only with a lot of pain, because of an extreme shortage of sources [4]. From the middle of the 13th century began a bitter and merciless struggle between the Almoravid bands, who represented Islam and the Sarakollé kings of Ghana who, although having always been hospitable to Muslims, were said to be the champions paganism. In 1054, Aoudaghost, although capital of a Berber kingdom, was attacked, taken and plundered by Abdallah ben Yassine, under the pretext that this city paid tribute to the king of Ghana. Finally, in 1076, the Almoravids seized the old Sudanese city and passed with the sword all the inhabitants who did not want to embrace Islam. Eleven years later, in 1087, shortly after the capture of Seville by Youssof ben Tachfine gave Spain to the Almoravids already masters of Morocco, Aboubekr was killed in the Adrar, during a new revolt of his subjects the most direct, and the

power of his sect and his dynasty, which had just asserted itself in such a striking fashion in the North of Africa and the South of Europe, disappeared from the very country which had constituted its starting point [5].

The Empire of Mali (11th – 13th centuries)

The Mali Empire developed by aggregating several kingdoms, each kingdom bringing together several clans and chiefdoms, by and for the benefit of the Keita clan in glory of its founder Soundjata Keita. The Soundjata empire is a federation of kingdoms and chiefdoms under his authority and the king is assisted by a council, composed of his companions, warlords and chiefs of lineages. Basically, the villages are grouped into cantons and provinces. In the principal cities, Mansa is represented at the same time by a *cadi*, named directly by him and, in the provinces, by a governor, *farin*, surrounded by a court, local replica of that of Mansa. The flour had a military garrison and a council: “its distance from the capital left it free hands in its administration. Its role was to ensure order, to collect the taxes collected on the tradesmen ‘and it’ governed by the intermediary of the chiefs of the various ethnic groups” [6. P. 40].

For the Mandingos, “Soundjata is also the man who established the social fabric of today’s society. The social relations network is portrayed in terms of the common descendants of Soundjata or one of its generals [...]. Thus, the influence of Soundjata is perceived as having an impact on life today” [7. P. 32–33]. During the reign of Soundjata, Mali benefited from a certain stability and an abundance of food and the apogee of the empire seems to be located at the beginning of the XIVth century under the reign of Mansa Moussa (1312–1337), whose prestige was reported by Ibn Kaldun. From the 15th century, the weakening of the empire enabled some provinces to regain autonomy, such as, for example, the Tuareg who created a Sultanate in Air in the 15th century. However, it is difficult to know its exact limits or how it is organized: we know that the Mandé “extended over a large part of Gambia, Senegal, Ivory Coast, Mali and Guinea” [8. P. 11] and the heart of this empire was to be located between the rivers Niger and Senegal. The decline of the Empire is dated between the 15th and 16th centuries; the provinces emancipate themselves one by one and kingdoms of modest size emerge. Succession disputes, internal strife and mismanagement have weakened the central authority, leaving more freedom to the vassal countries, which have gradually freed themselves from central power and have ended up constituting independent kingdoms. We can take the example of Gao, who will form an independent kingdom at the end of the 14th century and become the third Sudanese empire.

The Songhay Empire (15th and 16th centuries)

Under the Mali Empire, only part of Songhay was free, the rest was dominated, notably the capital Gao. This vassalization is however only provisional, since during the second half of the 15th century, the Songhay begins

to spread and it “was the role of Sonni Ali (1464–1492) who knew, of a small kingdom centered around Koukia, to make an empire which was to have, under his successors, the extent of that of Charlemagne. It is the largest known to medieval tropical Africa” [9. P. 197]. The decline of the Mali Empire led to the rise of the Songhay Empire.

The Songhay empire, under the domination of Sonni Ali Ber (1464-1492) 27 founder of the empire, unifies most of western Sudan around the city of Gao and in the Niger valley against the empire of Mali , the Mossi and the Tuareg. The Songhay have established a centralized, structured state, supported by permanent means. The government of the empire is divided between the central government and the government of the provinces. On the one hand are the conquered territories, directly administered by the Askia and ruled by governors, personal representatives of the emperor; on the other, the defeated countries, vassals or tributaries, ruled by traditional chiefs recognized by the Askia, governed by their local law. The Songhay empire thus established both direct and indirect domination over its territories. At the level of the central government, Gao has been the capital of the empire since the 12th century when the emperor was surrounded by a large court – ministers, advisers and agents – exercising political functions through the restricted imperial council, the Sunna. This council is associated with the general direction of the affairs, it is chaired by Askia and includes all the high dignitaries of the empire. The members of this council invest in the Askia, but they are in turn subordinated to it by oath.

The imperial domain consists of conquered territories, hierarchical according to their economic and military importance and administered by governors directly dependent on the Askia since appointed and dismissable by him, who have retained the title of farin or faama, inherited from the Mandingo Empire. The powers of these governors are the same as those of the emperor, with the exception of the courts, the exercise of which is delegated to the cadis. In addition to these provinces, there are large cities like Djenné and Tombouctou, ruled by chiefs appointed by Askia. The second category, the defeated countries, is made up of territories federated with the empire but preserving a certain autonomy like, for example, the Hausa city-states, the Berber confederations and Macina. Each sovereign keeps control of his territory, but he is subject to and recognized by Askia, providing tribute and warriors.

The territorial structure of these empires, even unified, remains deeply segmented, the state is reduced to a small region. The process of breaking down these empires has been the same, namely a gradual shrinking in their region of origin. The vassalized states regain their independence, some even managing to expand (which was notably the case of the kingdom of Gao after the decline of the Mali empire). Subsequently, other kingdoms emerge even if none of them will regain the greatness of these Sudanese empires.

The Moroccan conquest in 1591 marks the end of the great empires of western Sudan and the fall of the Songhay empire inaugurates a period of political crises, decomposition and crumbling: the empires give way to a multitude of

political entities, kingdoms, relatively weak and rival chiefdoms, which succeed one another until the colonial conquest.

Conclusion. The study of the Sudanese empires makes it possible to highlight a certain degree of institutionalization of power, a dissociation of political roles consecrating a dynamic of empowerment of the political sphere vis-à-vis the social sphere. These empires are based on relatively strong administrative and military apparatuses, constituting true politico-bureaucratic elites. This period, which extends from the 13th to the 18th centuries, is a phase of state structuring, with diverse political experiences. Their vulnerability is partly due to their vastness and crises are most often due to the phases of devolution of power. This traditional state is distinguished from the modern state since the preexisting political units are never melted.

REFERENCES

- [1] Ki Zerbo J., Niane D.T. Histoire générale de l’Afrique. T. IV, Paris, Présence africaine. 1999.
- [2] Baudais V. Les trajectoires de l’Etat au Mali. Paris. 2015.
- [3] Lowie R. The Origin of the State. New York, 1927; Clastres P., La société contre l’État, Paris, Ed. de minuit, 1974.
- [4] Person Y. Empire du Ghana, Université de Paris-I, Page 5. URL: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/empire-du-ghana/> (Дата обращения 25.01.2020).
- [5] Delafosse, L’Empire du Ghana, Encyclopédie en Ligne. URL: <http://www.cosmovisions.com/ChronoGhana.htm> (Дата обращения 25.01.2020).
- [6] Cissoko S.M. Histoire de l’Afrique occidentale. Paris, Présence africaine, 1966.
- [7] Innes G., Soundjata. Three Mandinka Versions, Londres, Trowbridge & Erder.
- [8] Jansen J. Эпопея, история, société. Paris, Karthala, 2001.
- [9] Mauny R. «Le Soudan occidental à l’époque des grands empires», in Deschamps H. Histoire de l’Afrique noire, de Madagascar et des archipels. Paris, PUF, 1970.

Научная статья

История понятия государства в Западной Африке: от разрушения империй до появления современного государства в результате колонизации (на примере империи Мали)

Сиди Камара

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Автор статьи ставит перед собой задачу проанализировать вопрос о возникновении империй в Западной Африке с девятого века до наших дней. Самая большая и самая известная империя, появившаяся на территории современного государства Мали, в IX веке называлась Империей Ганы, а в XIII веке на смену ей пришла Империя Мали или Манде. Влияние этих империй в Африке позволяет прийти к пониманию понятия

государства в Африке до колонизации и разрушения политической системы Африки и ее замены колониальным государством с приходом европейцев.

В этой статье мы попытаемся продемонстрировать связь между разрывом в развитии африканского государства и навязыванием современного европейского государства через колониальное государство, которое лежит в основе отсталости африканских стран с точки зрения политической, экономической и социальной по сравнению с остальным миром.

Ключевые слова: империя, государство, политическая стабильность, историческая эволюция, коррупция, европейская колонизация, постколониальное государство, модернизация, бедность, Западная Африка

Информация об авторе / Information about the author

Кама́ра Сиди – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского Университета Дружбы народов

Sidy Camara – postgraduate student, The Department of political analysis and Management of People’s Friendship University of Russia. Email: sidicamara1980@yahoo.fr

Для цитирования / For citation

Кама́ра Сиди. История понятия государства в Западной Африке: от разрушения империй до появления современного государства в результате колонизации (на примере империи Мали) // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 28–34. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-28-34>

Camara Sidi. History of the concept of state in West Africa: from the destruction of empires to the emergence of a modern state as a result of colonization (on the example of the Mali Empire) // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 1. P. 28–34. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-28-34>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 27.01.2020

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-35-46

Научная статья

Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на развитие отношений между Китаем и странами Африки

А.А. Забелла

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) во многом предопределяет направления сотрудничества между КНР и африканскими странами. Будучи созданным в 2000 году, он способствовал институционализации взаимодействия между Китаем и партнерами из Африки. На протяжении двадцати лет функционирования ФОКАК стороны успешно провели ряд Форумов, которые значительно расширили сферы сотрудничества. В настоящее время изучению увеличивающегося китайского присутствия в Африке посвящено немало научных трудов, однако работ, посвященных изучению деятельности ФОКАК, к сожалению, не так много, что предопределило выбор данной тематики. К тому же интерес представляет анализ результатов деятельности ФОКАК к 20-летию создания Форума.

В данной статье автор выявит причины заинтересованности сторон в институционализации взаимодействия КНР и Африки, раскроет перспективные направления сотрудничества, а также проанализирует влияние Пекинского плана действий ФОКАК на 2019–2021 гг. на расширение сотрудничества между Китаем и странами Африканского континента.

Ключевые слова: ФОКАК (FOCAS), Китай, Африка, инвестиции, Пекинский план действий

Введение. Форум китайско-африканского сотрудничества был создан по инициативе китайской стороны в 2000 году. В том же году состоялся первый Форум в Пекине. ФОКАК является основным механизмом взаимо-

© Забелла А.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

действия между КНР и странами Африканского континента. Если к 2000 году еще не все государства Африки установили дипломатические отношения с китайской стороной, то по мере расширения китайского присутствия в Африке, укрепления взаимодействия в рамках Форума все большее число африканских стран стали устанавливать официальные отношения с Пекином. Так, к 2012 году из 54 государств Африканского континента 50 имели дипотношения с Китаем. Буркина-Фасо, Гамбия, Сан-Томе и Принсипи, а также Свазиленд (с 2018 года государство переименовано в Королевство Эсватини) по-прежнему поддерживали официальные отношения с Тайванем. Однако в 2013 году Гамбия, в 2016 году Сан-Томе и Принсипи, в 2018 году Буркина-Фасо признали, а затем установили дипотношения с Китайской Народной Республикой. Переход на новый уровень взаимоотношений с КНР привел к включению данных стран в работу ФОКАК, а также предоставил доступ к выгодам, которые открывает сотрудничество в рамках Форума. На сегодняшний день лишь Королевство Эсватини поддерживает дипломатические связи с Тайванем.

Китай является сторонником развития многостороннего сотрудничества, таким образом, ФОКАК олицетворяет собой эффективный механизм взаимодействия между КНР и Африкой путем диалога и консультаций. Заседания Форума китайско-африканского сотрудничества проводятся раз в три года поочередно в Китае и африканских государствах. Заседания делятся на два типа: саммиты с участием глав государств, министерские конференции. На сегодняшний день состоялось 3 саммита (в 2006 г. – в Пекине, в 2015 г. – в Йоханнесбурге, в 2018 г. – в Пекине), а также 4 конференции (в 2000 г. – в Пекине, в 2003 г. – в Аддис-Абебе, в 2009 г. – в Шарм-эш-Шейхе, в 2012 г. – в Пекине). В то же время необходимо сказать о том, что в рамках саммитов также проходят министерские конференции.

В рамках Форумов подводятся итоги сотрудничества, принимаются новые программные документы, которые определяют характер и направления взаимодействия между КНР и Африкой на последующие три года.

Конференции и саммиты ФОКАК

Первая конференция была проведена в Пекине в октябре 2000 года, с поздравительной речью выступил председатель КНР Цзян Цзэминь. Более 80 министров из Китая, 44 из стран Африки, представители 17 региональных и международных организаций, члены бизнес-сообщества приняли участие в работе конференции. Здесь же были обозначены основные направления сотрудничества, нацеленные на создание нового, стабильного, долгосрочного партнерства между Китаем и африканскими государствами, базирующегося на равенстве и взаимной выгоде. В результате конференции были приняты Пекинская декларация, Программа китайско-африканского сотрудничества в области экономического и социального развития. Было решено создать Фонд развития человеческих ресурсов в Африке для помощи африканской

стороне в деле подготовки специалистов различных направлений, а также для поощрения инвестиций китайскими предприятиями в Африке. Данный фонд работает под эгидой ряда министерств – министерства иностранных дел, образования, науки и технологий, здравоохранения, коммерции, сельского хозяйства – каждое из которых занимается подготовкой африканских граждан в меру своих компетенций. Стороны также пришли к выводу о необходимости учреждения Выставочного центра китайской и африканской продукции в Китае для продвижения торговли и содействия африканской продукции на китайском рынке. Успешное проведение данной конференции знаменует открытие Форума китайско-африканского сотрудничества, создание новой платформы для диалога между Китаем и Африкой.

Вторая конференция ФОКАК прошла в столице Эфиопии, городе Аддис-Абебе, в 2003 году. Премьер-министр Китая Вэнь Цзябао, премьер-министр Эфиопии Мелес Зенауи и другие приняли участие в работе конференции. В своем выступлении премьер-министр КНР выдвинул предложение из четырех пунктов для дальнейшего развития дружбы и сотрудничества между сторонами. Они включают в себя: 1) продвижение традиционной китайско-африканской дружбы через взаимную поддержку; 2) содействие демократизации международных отношений посредством интенсивных консультаций; 3) совместное решение проблем глобализации путем координации позиций; 4) открытие новой главы в дружественных отношениях между Китаем и Африкой через расширение сотрудничества [1]. Стороны также подвели итоги, которые были сделаны в результате выполнения целей и задач, поставленных в ходе первой конференции. По итогам встречи была принята Декларация, а также план действий (2004–2006) [2]. Большое внимание было сосредоточено на экономических и социальных вопросах. Сторонами было принято решение установить новый тип партнерства, базирующегося на долгосрочной стабильности, равенстве, взаимной выгоде и всестороннем сотрудничестве.

Первый саммит ФОКАК состоялся в Пекине в 2006 году. Также прошла встреча в рамках *третьей министерской конференции*. Этот год был юбилейным, так как в 1956 году были установлены дипломатические отношения между Китаем и Египтом, что способствовало дальнейшему расширению китайско-африканского взаимодействия. Итогом саммита стала принятая Декларация, а также Пекинский план действий на 2007–2009 гг. [3]. В Декларации нашли отражение позиции Китая и государств Африки по основным международным проблематикам, а также был провозглашен переход на новый уровень сотрудничества между сторонами – уровень стратегического партнерства, который включает политическое равенство, взаимное доверие, взаимовыгодное экономическое сотрудничество и культурные обмены. Пекинский план действий на 2007–2009 гг. включил в себя основные направления сотрудничества в экономической и социальной сферах, которые должны способствовать взаимной выгоде и общему развитию. Принято решение о создании Фонда развития с общей суммой 5 млрд долл. США, а

также открытию от 3 до 5 специальных экономических зон. Увеличивалось количество грантов с 2 тыс. до 4 тыс. для получения образования в Китае африканским персоналом, решено увеличить количество строящихся школ до 100 единиц, а также 30 больниц и 30 противомаларийных центров, предоставить финансирование на противомаларийные медикаменты и т.д. Во время саммита председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул три позиции: 1) Китай всегда является надежным партнером по содействию миру и стабильности в Африке; 2) Китай всегда является надежным партнером для достижения развития и процветания в Африке; 3) Китай всегда является надежным партнером, поддерживающим активное участие Африки в международных делах [4].

Примечательно, что в 2006 году Китай впервые, а затем в 2015 году опубликовал два документа – «Политика Китая в отношении Африки», которые содержат план дальнейшего китайско-африканского сотрудничества в различных сферах. Западная аудитория окрестила данные доклады как «Белые книги» [5. С. 347].

Четвертая конференция Форума прошла в 2009 году в египетском городе Шарм-эш-Шейхе. Результатом встречи стала принятая Декларация, а также план действия на период с 2010 по 2012 гг. Традиционно большое внимание уделяется развитию сотрудничества в сфере экономики и социального развития. Китайская сторона не только увеличила количество запланированных проектов, предоставляемых грантов, совместных программ, но также сделала акцент на проекты в области чистой энергии и других сферах. Китай, как и прежде, включил в план финансирование проектов по строительству противомаларийных центров (их количество было увеличено), предоставление лекарств на сумму 1,5 млрд долл. США, переквалификацию медицинских сотрудников и т.д. Также в рамках конференции был принят План китайско-африканского партнерства в области науки и технологий. Здесь также важно отметить, что данная конференция способствовала тому, что в октябре 2010 года в Китае прошел первый «Мозговой» форум Китая и Африки (China-Africa Think Tanks Forum – CATTF). Цель данного мероприятия заключалась в обмене идеями по дальнейшему развитию китайско-африканского сотрудничества. Премьер-министр КНР Вэнь Цзябао в ходе форума отметил восемь направлений для большего углубления китайско-африканских отношений: 1) изменения климата; 2) наука и технологии; 3) аграрный сектор; 4) медицина и здравоохранение; 5) развитие человеческих ресурсов и образование; 6) культурные обмены; 7) торговые преференции; 8) финансовая поддержка [6].

Пятая конференция состоялась в 2012 году в Пекине. Приняты Декларация, а также Пекинский план действия (2013–2015 гг.). На конференции стороны пришли к выводу о необходимости не только расширения сотрудничества между Китаем и африканскими государствами, но и укрепления взаимодействия по линии «Юг–Юг» для обеспечения прогресса в развитии. В плане подчеркивалась значимость сельского хозяйства и продовольствен-

ной безопасности, необходимость передачи технологий, важность прямых инвестиций и доступа на рынки. Стороны также обозначили намерение создать китайско-африканский энергетический форум, целью которого является расширение возможностей для улучшения производства энергии, а также более эффективного использования природных ресурсов.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун во время своего выступления на пятой Министерской конференции подчеркнул важность непрерывного сотрудничества «Юг–Юг» для глобального экономического роста. «Китай и африканские страны считают, что их будущее благополучие тесно связано с интеграцией в мировую экономику и рынок. Сегодня эти отношения равенства и взаимной выгоды поднимают новые высоты», – отметил господин Пан Ги Мун [7].

Примечательно, что в докладе Фонда Карнеги в 2012 году Китай был отмечен в качестве главного источника внешней помощи странам Африки [8]. Можно предположить, что на новое позиционирование Китая оказали влияние действия Пекина по оказанию продовольственной помощи странам Африканского Рога ввиду сильной засухи в 2011 году.

Второй саммит и шестая конференция в 2015 г. в Йоханнесбурге. Данный саммит является знаковым, так как впервые прошел на территории африканского континента. В ходе саммита были приняты Декларация, а также План действия на 2016–2018 гг. В Декларации были сформулированы пять столпов китайско-африканских отношений: 1) равенство и взаимное доверие в политической сфере; 2) сотрудничество и стремление к взаимному выигрышу в экономике; 3) культурные обмены; 4) взаимная помощь в сфере безопасности; 5) сплоченность и взаимодействие в международных делах [9]. В своем выступлении в Йоханнесбурге председатель КНР Си Цзиньпин выразил готовность Китая в расширении сотрудничества в сфере здравоохранения, оказании помощи в ее модернизации и в борьбе против малярии и других заболеваний, в сокращении детской и материнской смертности. Си Цзиньпин также объявил о готовности Китая построить Центр Африканского Союза по контролю за заболеваниями. Можно предположить, что большой акцент на сотрудничестве в сфере здравоохранения и медицины не случаен, так как ранее в 2014 году Китай активно участвовал в предотвращении распространения и создании вакцины против лихорадки Эбола. Китай также выразил готовность продолжать оказывать поддержку и предоставлять гранты на обучения африканским гражданам в Китае. Стоит отметить, что реализуется программа «Африканские таланты», в рамках которой за 2012–2015 гг. подготовлены 30173 квалифицированных специалистов [10. С. 52]. Таким образом, Китай не только оказывает столь необходимую поддержку странам Африки, но также улучшает имиджевую составляющую своего государства за рубежом посредством «мягкой силы».

Третий саммит прошел в 2018 г. в Пекине. Примечательно, что ранее планировалось провести не саммит, а конференцию, однако китайская сторона приняла решение повысить уровень встречи ввиду значимости более

глубокого развития китайско-африканских отношений, а также увеличивающихся нужд Африки. Такое решение, по мнению автора, также может быть связано с осложнением китайско-американских отношений и необходимостью успешной реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь», к участию в которой привлечены африканские государства. Увеличивающаяся значимость ФОКАК подтверждается тем, что в работе саммита приняли участие представители 54 африканских государств и организаций, из них 40 президентов, 10 премьер-министров, 1 вице-президент, 1 председатель Комиссии Африканского Союза, а также другие представители власти, в том числе из 26 международных и африканских региональных организаций, в общей сложности более 3200 человек из КНР и из зарубежных стран.

На саммите также присутствовал Генеральный секретарь ООН г-н Антониу Гутерриш, которые выделил пять областей, которые будут иметь важное значение для успеха китайско-африканского сотрудничества: 1) укрепление основ прогресса Африки, которое будет способствовать достижению устойчивого развития на всем континенте; 2) обеспечение национальной ответственности и устойчивого развития под руководством Африки; 3) уважение к руководству Африкой своего собственного будущего; 4) важность сотрудничества «Юг–Юг» как «основополагающего фактора справедливой глобализации» подчеркнул необходимость выполнения обязательств по линии Север–Юг, в том числе принятых в контексте Аддис-Абебской программы действий по финансированию развития; 5) содействие устойчивой налогово-бюджетной политики [11]. Следует отметить, что данный саммит был самым представительным среди ранее проводимых в Китае дипломатических мероприятий.

Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с африканскими лидерами во время проведения Пекинского саммита, тем самым установив рекорд по количеству встреч с иностранными лидерами. Министр иностранных дел КНР Ван И в интервью отметил время саммита в качестве «золотой недели китайско-африканской дружбы» [12]. Президент ЮАР Сирил Рамафоса охарактеризовал Пекинский саммит ФОКАК как успешный и подчеркнул, что отношения между КНР и государствами Африки вступили в золотой век, настоящий век глубокого сотрудничества [13].

Си Цзиньпин также отметил, что Китай, развивая отношения со странами Африки, придерживается подхода «пять нет»: 1) не вмешиваться в стремление африканских стран идти по пути развития, который отвечает их национальным условиям; 2) не вмешиваться во внутренние дела; 3) не навязывать свою волю; 4) нет политической привязки помощи Африке; 5) нет стремлениям к эгоистическим политическим выгодам в инвестициях и финансировании при сотрудничестве с Африкой. Китайской стороной был предложен новый курс развития взаимодействия между сторонами, получивший название «шесть в одном». Курс предусматривает строительство китайско-африканского сообщества с единым будущим, а следовательно, и с совместной ответственностью, взаимовыгодное сотрудничество, достижение

счастья, культурного процветания и общей безопасности, а также гармонии между человеком и природой.

В результате встреч было подписано около 150 соглашений по сотрудничеству, в том числе соглашения по углублению взаимодействия в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Во время саммита были приняты Пекинский план действий (2019–2021 гг.), а также Декларация. Пекинская декларация была направлена на дальнейшее расширение направлений сотрудничества, а также на построение более тесного сообщества между Китаем и странами Африки. Были озвучены «восемь больших инициатив», которыми будут руководствоваться стороны при сотрудничестве. Интерес представляет намерение китайской стороны расширить поставки в Китай не сырьевых товаров из Африки. Виной тому дисбаланс в торговле и ее замедлившийся рост. Хотя стоит отметить, что торговый оборот между сторонами в 2017 году увеличился и достиг 170 млрд долл. США. К слову, в 2018 году торговля между Китаем и Африкой достигла более 204 млрд долл. США. Достижение поставленной цели видится в проведении первого китайско-африканского экономического и торгового ЭКСПО, которое с успехом прошло летом 2019 года. Главная цель проведения такого рода мероприятий видится в намерении Китая добиться к 2030 году решения проблемы продовольственной безопасности, с которой сталкиваются многие африканские государства. Китай также намерен в 2020 году создать торгово-экономическую инкубационную зону Китай–Африка, где будут сконцентрированы международные организации, предприятия и перспективные сотрудники из Китая и Африки. Данная зона-инкубатор будет призвана благоприятствовать китайско-африканскому сотрудничеству в области торговли, а также технологическому взаимодействию и обмену в различных сферах. Примечательно, что Китай также начинает все большее внимание уделять созданию Специальных экономических зон (СЭЗ) в Африке (такие уже работают в ряде стран, например на Маврикии, в Сенегале и Руанде). Пекин также отдает приоритет развитию человеческих ресурсов, так как без высококвалифицированного персонала невозможно достичь успеха в процессе модернизации Африки. Здесь же Си Цзиньпин заявил о создании Института Китай–Африка, который будет способствовать углублению взаимной учебы цивилизаций. Китайская сторона во время работы саммита неоднократно подчеркивала необходимость разрешения экологических проблем, углубления сотрудничества в области здравоохранения, культуры, энергетики, создания «зеленой экономики», совместного решения проблем мира и безопасности.

Что касается объема финансирования, то оно традиционно удваивалось на каждом Форуме. Однако Пекинский саммит стал исключением, так как сумма соответствовала ранее заявленной в Йоханнесбургской декларации 2015 года и равнялась 60 млрд долл. США. Из этой суммы 15 млрд составляет финансовая помощь, а 20 млрд будут израсходованы на беспроцентные кредиты. Безусловно, приоритетным направлением является финансирование инфраструктурных проектов.

Особое внимание уделялось привязке африканских стран к инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП). По этой причине одной из тем Форума была связь между китайской инициативой и программой устойчивого развития ООН 2030 и Повесткой 2063 Африканского Союза, а также стратегиями африканских государств (например, План экономического восстановления и роста Нигерии).

Для успешного продвижения ОПОП китайская сторона инициировала открытие логистического центра в Джибути, важность геостратегического расположения страны подтверждается сосредоточением военных баз ряда иностранных государств. Джибути в данном случае отводится особая роль, которая заключается не только в обеспечении бесперебойного прохода китайских судов в направлении Европы, но и контроль со стороны Китая Баб-эль-Мандебского пролива. Новый форпост является частью китайской зоны влияния, протянувшейся по восточным и южным рубежам Индии, охватывает Шри-Ланку, Бангладеш, Мьянму. Положительным результатом создания ВМС может служить более широкое обеспечение безопасности в Африке, а также расширение международного сотрудничества в области региональной безопасности [14. С. 83].

Инициатива «Один пояс, один путь» направлена на запуск новых торговых путей, установление связей и создание новых возможностей для развития бизнеса между странами. ОПОП проходит через более чем 60 стран, через Азию, Европу, Ближний Восток и Африку. История – наш лучший учитель. Шелковые маршруты показывают, что географическое расстояние не является непреодолимым. В целом китайская инициатива может содействовать миру и развитию во всем мире. Как гласит китайская поговорка, «персики и сливы не говорят, но они настолько привлекательны, что под деревьями образуется тропинка», так и инициатива «Один пояс, один путь» становится реальностью и приносит богатые плоды [15. С. 48].

Свою речь во время Форума в Пекине Си Цзиньпин завершил нижеприведенной фразой: «Будущее китайско-африканских отношений зависит от нашей молодежи.... “Красное восходящее солнце осветит дорогу впереди”. Уверен, что эстафета китайско-африканской дружбы будет передаваться из поколения в поколение и в том, что Китай и Африка, работая вместе, построят еще более динамичное сообщество с общим будущим. Наступил день, когда китайская нация реализует свою мечту о национальном обновлении, а Африка реализует свою мечту о единстве и умиротворении!» [16].

Заключение

Стоит отметить, что Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) играет важную роль в развитии взаимодействия между Китаем и африканскими государствами. Привлекательность Китая для Африки не вызывает сомнений, что может быть подтверждено количеством официально установленных дипломатических отношений. Как уже было отмечено ранее,

на сегодняшний день лишь одно государство сохраняет «несговорчивость» по вопросу установления дипотношений с Китайской Народной Республикой, речь идет о Королевстве Эсватини (Свазиленде). В ходе каждой встречи стороны подводят итоги сотрудничества за прошедшие три года, а также провозглашают новые программы сотрудничества.

Здесь также важно сказать об открытии Института Китай–Африка в апреле 2019 года, необходимость создания которого была отмечена председателем КНР во время ФОКАК 2018 года. По мнению д.и.н., профессора РАН А.В. Ломанова, «теперь Китай создает инструменты для международного научного взаимодействия и проекции собственных идей во внешний мир» [17. С. 166].

Китай большое внимание уделяет инфраструктурным проектам в Африке. Учитывая тот факт, что в 2017 году были опубликованы «Руководящие рекомендации о дальнейшем управлении и стандартизации направлений зарубежного инвестирования» № 74, где отмечена необходимость «придавать особое значение инвестиционным проектам за рубежом, способствующим развитию инициативы «Один пояс, один путь», а также развитию транспортно-коммуникационной инфраструктуры в сопредельных государствах», автор полагает, что ОПОП будет привлекать все большее и большее внимание африканских партнеров ввиду заинтересованности в получении инвестиций в инфраструктуру, что позволит Китаю увеличить свое присутствие в Африке.

Анализируя 20 лет, на протяжении которых функционировал Форум китайско-африканского сотрудничества, стоит отметить, что были не только институционализированы отношения между Китаем и Африкой, но и Форум расширил присутствие китайской стороны на континенте. Как Китай, так и Африка заинтересованы в расширении сотрудничества. Африканские государства, безусловно, рассчитывают на получение все новых и новых дивидендов от взаимодействия с китайскими партнерами, которые находят отражения в безвозмездных кредитах, грантах, строительстве школ и больниц, помощи в переподготовке персонала, инфраструктурных проектах и так далее. Ввиду осложнения китайско-американских отношений Африка становится все более значимым внешнеполитическим направлением, что также связано с необходимостью успешной реализации инициативы «Один пояс, один путь». Таким образом, автор приходит к заключению о том, что ФОКАК играет первостепенную роль в развитии китайско-африканских отношений, определяет тональность развития сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Four- Points Proposal of the Chinese side // Forum on China-Africa cooperation. URL: https://www.focac.org/eng/ljhy_1/dejbjzjhy_1/CI22009/t157583.htm. 10.01.2020.
- [2] Forum on China-Africa Cooperation-Addis Ababa Action Plan (2004–2006) // China.org.cn. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/focac/185197.htm>. 11.01.2020.
- [3] Forum on China-Africa Cooperation Action Plan (2007–2009) // CCTV.com. URL: http://www.cctv.com/english/special/China-Africa_coop_forum/20091104/104289.shtml. 15.01.2020.

- [4] Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation Adopts the Declaration and Beijing Action Plan // Consulate-General of the People's Republic of China in San Francisco. URL: <http://www.chinaconsulatesf.org/eng/xw/t279645.htm>. 12.01.2020.
- [5] Забелла А.А. Африка во внешнеполитическом курсе КНР // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2017. № 4. С. 341–352.
- [6] The Fourth Ministerial Conference of the China-Africa Cooperation Forum (FOCAC) opens // FOCAC. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/dsjbjzjhy/t625618.htm>. 14.01.2020.
- [7] At China-Africa meeting, Ban highlights role of South-South cooperation // UN News. 2012. 19 July. URL: <https://news.un.org/en/story/2012/07/415922-china-africa-meeting-ban-highlights-role-south-south-cooperation>. 19.01.2020.
- [8] Chen Weihua. China has potential to play a positive role // China Daily. 2013. 25 March. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-03/25/content_16341142.htm. 08.01.2020.
- [9] В Претории прошла 11-я встреча высокопоставленных официальных лиц в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству // [Электронный ресурс] Агентство Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2015-12/03/c_134878663.htm. 25.12.2019.
- [10] Дейч Т.Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: общественные науки. 2017. № 4 (788).
- [11] In Beijing, UN chief urges win-win collaboration between China and Africa for 'the future we want' // UN news. 2018. 03 September. URL: <https://news.un.org/en/story/2018/09/1018242>. 03.01.2020.
- [12] Wang Yi gives an interview to the media on the Beijing Summit of the FOCAC // Chinese Ministry of Foreign Affairs. 2018. 13 September. URL: <http://dj.china-embassy.org/fra/xwdt/t1594771.htm>. 04.01.2020.
- [13] China-Africa relations enters 'Golden age' – Ramaphosa // africanews. 2018.06. September. URL: <https://www.africanews.com/2018/09/06/china-africa-relations-enters-golden-age-ramaphosa/>. 28.12.2019.
- [14] Забелла А.А. Военно-техническое взаимодействие Китая и африканских стран в начале XXI века // Международные отношения. 2019. № 2.
- [15] Пономаренко Л.В., Сидоров Д.А., Забелла А.А. Инициатива «Один пояс, один путь» как способ соединения Китая с миром // Дипломатическая служба. 2018. № 1.
- [16] Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit // Xinhua net. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_129946189.htm. 15.12.2019.
- [17] Ломанов А.В. Международные исследования в институтах Китайской академии общественных наук // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1).

REFERENCES

- [1] Four- Points Proposal of the Chinese side // Forum on China-Africa cooperation. URL: https://www.focac.org/eng/ljhy_1/dejbjzjhy_1/CI22009/t157583.htm. 10.01.2020.
- [2] Forum on China-Africa Cooperation-Addis Ababa Action Plan (2004-2006) // China.org.cn. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/focac/185197.htm>. 11.01.2020.
- [3] Forum on China-Africa Cooperation Action Plan (2007-2009) // CCTV.com. URL: http://www.cctv.com/english/special/China-Africa_coop_forum/20091104/104289.shtml. 15.01.2020.
- [4] Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation Adopts the Declaration and Beijing Action Plan // Consulate-General of the People's Republic of China in San Francisco. URL: <http://www.chinaconsulatesf.org/eng/xw/t279645.htm>. 12.01.2020.

- [5] Zabella A.A. Africa in the foreign policy course of PRC // Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2017. № 4.
- [6] The Fourth Ministerial Conference of the China-Africa Cooperation Forum (FOCAC) opens // FOCAC. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/dsjbzjhy/t625618.htm>. 14.01.2020.
- [7] At China-Africa meeting, Ban highlights role of South-South cooperation // UN News. 2012. 19 July. URL: <https://news.un.org/en/story/2012/07/415922-china-africa-meeting-ban-highlights-role-south-south-cooperation>. 19.01.2020.
- [8] Chen Weihua. China has potential to play a positive role // China Daily. 2013. 25 March. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-03/25/content_16341142.htm. 08.01.2020.
- [9] V Pretorii proshla 11-ya vstrecha vysokopostavlennykh ofitsial'nykh lits v ramkakh Foruma po kitaysko-afrikanskomu sotrudnichestvu // [Elektronnyy resurs] Agentstvo Sin'khua. URL: http://russian.news.cn/2015-12/03/c_134878663.htm. 25.12.2019.
- [10] Deytch T.L. Chinese “soft power” in Africa: cooperation in education and culture // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: obshchestvennye nauki. 2017. № 4 (788).
- [11] In Beijing, UN chief urges win-win collaboration between China and Africa for ‘the future we want’ // UN news. 2018. 03 September. URL: <https://news.un.org/en/story/2018/09/1018242>. 03.01.2020.
- [12] Wang Yi gives an interview to the media on the Beijing Summit of the FOCAC // Chinese Ministry of Foreign Affairs. 2018. 13 September. URL: <http://dj.china-embassy.org/fra/xwdt/t1594771.htm>. 04.01.2020.
- [13] China-Africa relations enters “Golden age” – Ramaphosa // africanews. 2018.06. September. URL: <https://www.africanews.com/2018/09/06/china-africa-relations-enters-golden-age-ramaphosa/>. 28.12.2019
- [14] Zabella A.A. Voенно-tekhnicheskoe vzaimodeystvie Kitaya i afrikanskikh stran v nachale XXI veka // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. № 2.
- [15] Ponomarenko L.V., Sidorov D.A., Zabella A.A. «One Belt One Road» initiative as a way of connecting China with the world // Diplomaticeskaya sluzhba. 2018. № 1.
- [16] Full text of Chinese President Xi Jinping’s speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit // Xinhua net. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_129946189.htm. 15.12.2019.
- [17] Lomanov A.V. Mezhdunarodnye issledovaniya v institutakh Kitayskoy akademii obshchestvennykh nauk // Problemy Dal'nego Vostoka. 2019. № 5 (1). S. 161–172.

Research article

The impact of the China-Africa cooperation Forum on the deepening of relations between China and Africa

Anastasia A. Zabella

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The Sino-African cooperation forum largely determines the trajectory of cooperation between Chinese and African countries. Being established in 2000, it facilitated the institutionalisation of the interactions between China and its African partners. Throughout twenty years of FOCAC functioning, the parties have successfully held a number of forums, which have significantly expanded the scope of cooperation. At present, a big number of

scientific works are devoted to research the increase of the Chinese presence in Africa, on the other hand there is quite a few works done on FOCAC activities research, which predetermined the choice of this topic. In addition, analysis of the FOCAC performance results that have been reached by the 20th anniversary are of a certain interest.

In this article, the author will identify the reasons for the parties' interest in institutionalizing the interaction between China and Africa, will reveal promising areas of cooperation, as well as will analyze the impact of the Beijing FOCAC Action Plan for 2019–2021 to expand cooperation between China and the countries of the African continent.

Key words: FOCAC, China, Africa, investment, Beijing action plan

Информация об авторе / Information about the author

Забелла Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Zabella Anastasia – PhD in History, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, the Department of Foreign Languages at RUDN University. E-mail: zabella-aa@rudn.ru

Для цитирования / For citation

Забелла А.А. Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на углубление отношений между Китаем и странами Африки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 35–46. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-35-46>

Zabella A.A. Influence Of the forum of Chinese-African cooperation on the deepening of relations between China and Africa // *RUDN Journal of World History*. 2020. Т. 12. № 1. P. 35–46. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-35-46>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.01.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-47-59

Научная статья

Экономические и социальные меры правительства Нарендры Моди по решению проблемы сепаратизма в Северо-Восточной Индии

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2

В данной статье предпринята попытка анализа современного экономического развития Северо-восточной Индии (СВИ) в контексте решения проблем, связанных с сепаратизмом в этом регионе. Они представляются крайне актуальными, поскольку добиться экономического прорыва и процветания региона невозможно без окончательного искоренения сепаратизма и терроризма в СВИ. Используемые источники – это в основном актуальная аналитика индийских министерств и ведомств (Министерство развития СВИ, Совет СВИ и ряд других), а также материалы индийских и международных (Deutsche Welle) интернет-изданий.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия (СВИ), центральное правительство (Дели), Нарендра Моди, экономические и социальные меры по развитию СВИ, этнический сепаратизм

Введение

Сепаратизм – явление, распространенное в федеративных многонациональных государствах, таких как Босния и Герцеговина, Индия, Ирак, Нигерия, Пакистан и другие. Опыт стран, прошедших через межнациональные распри и столкновения, решающих жизненно важные задачи с целью достижения консенсуса и мира, очень важен. Индия – развивающееся государство, ставящее перед собой амбициозную задачу войти в элиту мировых держав. В этой связи важнейшим становится план по достижению показателя ВВП в 5 трлн долларов по ППС (паритету покупательной способности) уже к 2024 году [1].

Однако существует ряд проблем различного характера, тормозящих осуществление этой глобальной задачи, в частности, сепаратизм в СВИ, который остается угрозой территориальной целостности страны. Необходимость ускорения экономического развития региона имеет решающее значение для решения сложных проблем индийского общества. Правительственные программы предусматривают планомерную работу по уменьшению диспропорций и выход

© Михайлов С.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

на опережающее развитие этих территорий, в том числе в целях снижения сепаратистской напряженности.

Исследование проблемы

История народов СВИ трагична хотя бы по причине длительного игнорирования интересов населения этого региона. Тем не менее, еще в 2008 году правительством страны были сделаны попытки преодолеть усугубляющееся экономическое отставание депрессивного и сепаратистского региона. Была принята программа «Видение развития СВИ-2020» (North Eastern Region Vision-2020), которую впоследствии использовали как дорожную карту. Федеральным Министерством развития СВИ, Комиссией по планированию, Советом СВИ и правительством штатов был разработан комплексный план по всеобъемлющему развитию СВИ (2008–2020 гг.), способный в случае его реализации обеспечить достойное развитие региона. Штатам СВИ был присвоен статус «Особая категория штатов» (Special Category States, SCS) дающий возможность 90%-го финансирования экономических проектов из федерального бюджета [2]. Таким образом, государство взяло на себя обязательства по решению экономических и социальных проблем, игнорирование которых предопределяло сохранение напряженности и сепаратистские устремления населения СВИ.

К разработке Плана были привлечены серьезные правительственные и финансовые структуры, 17 релевантных групп прорабатывали возможности эффективных способов реализации *NER Vision-2020*. Не остались без внимания все сферы деятельности (социальные, культурные, экономические). Рабочие группы представили детальное видение реализации Плана. В обсуждении участвовали Министерство развития (МР СВИ), Совет СВИ (North Eastern Council, NEC), а также ряд федеральных министерств. После многочисленных согласований приоритетными были признаны следующие отрасли развития региона [3]:

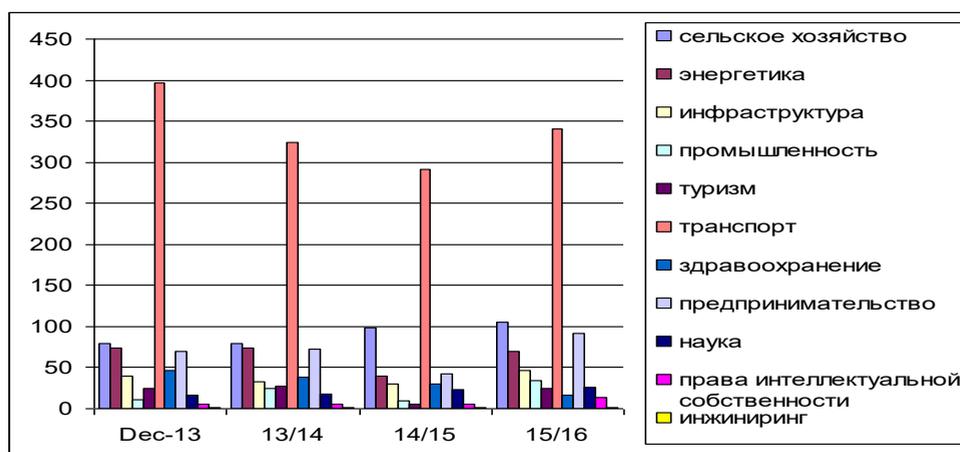

Рис. 1. Приоритетные отрасли развития СВИ в 2013–2016 ф.г. (для инвестирования, в млрд рупий)

Источник: *NEC Regional Plan (2017–18 to 2019–20)*. URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017-18%20to%202019-20.pdf> (дата обращения 22.10.2019).

Объемы финансирования, представленные в данном графике в разные годы, позволяют сделать вывод о приоритетной ориентированности программы развития на модернизацию транспортной системы, сельского хозяйства и объектов энергетики. Не остались без внимания наука, образование и другие социально ориентированные сферы. Следует отметить, что список первоочередных направлений развития экономики СВИ довольно традиционный и мало чем отличается от программ других регионов, создающих конкурентоспособную экономику. Эта проверенная временем практика ориентирована на западные образцы экономической модели развития. При этом конечные результаты этой стратегии могут представлять интерес и служить примером для развивающихся стран в случае удачного ее воплощения. Ближайшее время покажет, насколько эффективным может быть путь развития сложного региона, делающего ставку на развитие малого бизнеса и частного предпринимательства в условиях отсутствия серьезного промышленного потенциала и слабой социальной базы.

Инициативы правительства А.Б. Ваджапи (1998–2004 гг.) и БДП (Бхаратия Джаната Парти) по обеспечению инфраструктурного и технологического развития региона внесли определенную лепту в решение многочисленных проблем СВИ. Однако созданное тогда Министерство развития СВИ в сложных экономических и политических условиях вряд ли имело возможность эффективной работы. Годы правления Индийского национального конгресса / ИНК (2004–2014 гг.) для СВИ обернулись игнорированием, многие проекты оказались «замороженными». Население региона выражало обоснованные протесты, и упреки к правящей партии были обоснованными. Следствием этого стал рост сепаратистских настроений, дестабилизация положения, снижение уровня жизни населения до критического состояния. В таких условиях рассчитывать на эффективную деятельность Министерства и НЕС не приходилось. Ситуация кардинально изменилась в 2014 году, когда БДП вернулась к власти. В настоящее время их деятельность имеет положительную оценку, население СВИ связывает с ними свои надежды на лучшее.

Таблица 1

Деятельность Министерства развития СВИ [4]

Финансовый год	Общий объем целевых средств (млрд рупий)	Расходы из целевых средств (млрд рупий)	Реализация (%)
2016/17	321,808	293,679	91,26
2017/18	409,717	397,534	97,03
2018/19	470,88	455,181	96,67

Процесс развития экономики СВИ следует рассматривать в контексте деятельности правительства Н. Моди в этом направлении. Нынешний лидер Индии обладает широким спектром знаний и компетенций по различным вопросам. Следует отметить и его лидерские качества, он исповедует

прагматичный и подчас жесткий подход к решению проблем, нежели прежние лидеры. Приоритет – вопросы экономического развития региона, социализация населения, обеспечение безопасности. О том, что нынешний премьер-министр страны уделяет особое внимание СВИ, говорит хотя бы тот факт, что за 5 лет он более 30 раз посетил регион. Успехи его правительства вызывают доверие местного населения – БДП поддерживают даже в таких прежде «левых» штатах, как Трипура. НДА (Национальный демократический альянс) находится у власти практически во всех штатах региона [5].

Очевидно, что Н. Моди способен объективно оценивать степень опасности игнорирования нужд СВИ в условиях еще не сложившейся до конца системы государственности. Пришло время кардинальных, а не половинчатых изменений в общей стратегии развития хозяйственного потенциала этого региона, в противном случае социальный взрыв неизбежен. Ко всему прочему вступают в силу и общеиндийские государственные интересы. Из цитаты Н. Моди: «Богатые природные ресурсы в сочетании с талантом молодежи дают СВИ возможность сыграть важнейшую роль в развитии страны. Индия не будет идти вперед, пока не будет развиваться СВИ» [6]. Таким образом, Н. Моди подчеркивает права народов СВИ на собственный, равнозначный вклад в формирование современной Индии.

В программе Н. Моди СВИ отводится роль драйвера экономического роста Индии. Правительство предпринимает ряд усилий для стимулирования развития региона, включая инициативу по созданию «Специальной схемы развития инфраструктуры СВИ» (North East Special Infrastructure Development Scheme, NESIDS). Речь идет о 100%-м финансировании всех проектов центральным правительством. Штатам СВИ предоставлены дополнительные средства на инфраструктурные проекты по водоснабжению, электроснабжению и развитию туризма (ввиду огромного рекреационного потенциала региона), начальному и среднему образованию и здравоохранению. Для 22 проектов выделено около 8,85 млрд рупий (132,8 млн долларов) [7].

Таким образом, правительственные структуры пытаются добиться устойчивого изменения курса развития СВИ с целью превращения этих штатов в динамично развивающийся регион Индии. Значительные финансовые вливания подчеркивают серьезность их намерений. Важной частью стратегии Н. Моди является перенос прежде сугубо региональной политики прежних правительств в СВИ на общенациональный уровень. Это способствует изменению самоидентификации жителей региона, которые стали в большей степени ощущать себя реальной, а не номинальной частью Индии, заслужившей право жить достойно здесь и сейчас.

При этом объективно следует признать наличие вполне серьезных факторов, представляющих опасность для Индии. Быстрый рост численности населения – большая проблема для ее правительства. За сухими цифрами позитивной статистики стоят миллионы беднейших слоев населения, живущих за чертой бедности, и повышение уровня их жизни идет не столь впечатляющими темпами. Тем не менее, правительство Н. Моди обладает

большей политической волей и бóльшими экономическими возможностями, нежели предыдущие руководители Индии. Общий рост экономики страны позволяет перераспределять капитал в пользу отстающих регионов. В плюсе – целенаправленность и системность в подходах к выравниванию экономик проблемных штатов СВИ, достижению уровня, соразмерного уровню развитых штатов Индии. Задача амбициозная и сложная, но в перспективе, учитывая объем проделанной работы, возможно, и не такая недостижимая. Когда говорят об успехах Н. Моды, упоминают следующие конкретные достижения премьер-министра:

- открытие самого длинного ж/д. и автомобильного моста в Индии (Vogibeel Bridge, 4,94 км) в 2018 году. Такие крупные инфраструктурные проекты имеют не только практическое значение, но и формируют авторитет страны и имидж ее лидера;

- строительство в СВИ 900 км дорог с широкой колеей. Это сугубо практический проект, позволяющий частично решить проблемы коммуникации (программы SARD (Special Accelerated Road Development) и Bharatmala (около 3800 км федеральных трасс));

- развитие воздушного транспорта с его возможностями долгосрочного экономического эффекта. Открытие Института авиационного обучения, решающего вопросы подготовки кадров и трудоустройства. Модернизация аэропортов в Гувахати, Димапуре и так далее;

- строительство первого в СВИ Университета спорта в Манипуре. В большей степени это снижает проблему социальной напряженности (в том числе распространения наркомании) в молодежных кругах;

- поддержка бамбукового производства, текстильной промышленности по «Схеме поддержки текстильного производства» (Textile Promotion Scheme, TPS), а также развитие малого бизнеса и предпринимательства [8].

Политика экономического развития включает интенсивное развитие пищевой, текстильной, туристической отрасли, внедрению информационных технологий, региону отводится роль связующего звена между Индией и ЮА и ЮВА. Именно в контексте этих возможностей формируется стратегическая концепция развития и укрепления транспортных коммуникаций «Субрегиональное экономическое сотрудничество в Южной Азии» (South Asian Sub-regional Economic Cooperation, SASEC). В рамках геополитических устремлений Индии эта программа может рассматриваться Нью-Дели в качестве противовеса китайскому проекту «Один пояс – один путь».

Слабый экономический потенциал региона является фактором, тормозящим развитие, однако программы развития предусматривают предоставление значительной финансовой помощи в рамках «Специальной помощи из Центра» (Special Central Assistance, SCA) и «Плана поддержки» (Special Plan Assistance, SPA). Вложения государства в экономику региона довольно впечатляющие, для координирования усилий эффективного развития СВИ создана система многочисленных фондов, таких как:

- проект «Общей бюджетной поддержки» (General Budget Support, GBS) (1998–1999), подразумевающий 10% отчисления в фонд развития СВИ;

– NLCPR (Non-Lapsable Central Pool of Resources), 1997/98, выделяющие 10% из средств фондов федерального правительства;

– «Политика продвижения инвестиций в промышленность СВИ» (North East Industrial Investment Promotion Policy, NEIPP) [9];

Центр и правительства штатов региона применяют максимально либеральные схемы финансирования проектов. Проблемы чаще всего лежат в области освоения бюджетных ассигнований, и, как свидетельствует статистика, значительное количество незавершенных объектов, что, впрочем, характерно не только для Индии [10].

Таблица 2

Количество проектов по штатам СВИ

<i>Регионы</i>	<i>Новые проекты</i>	<i>Проекты в стадии реализации</i>	<i>Всего</i>
<i>1. Аруначал-Прадеш</i>	<i>36</i>	<i>81</i>	<i>117</i>
<i>2. Ассам</i>	<i>21</i>	<i>74</i>	<i>95</i>
<i>3. Манипур</i>	<i>34</i>	<i>56</i>	<i>90</i>
<i>4. Мегхалая</i>	<i>28</i>	<i>63</i>	<i>91</i>
<i>5. Мизорам</i>	<i>20</i>	<i>50</i>	<i>70</i>
<i>6. Нагаленд</i>	<i>38</i>	<i>49</i>	<i>97</i>
<i>7. Сикким</i>	<i>14</i>	<i>42</i>	<i>56</i>
<i>8. Трипура</i>	<i>7</i>	<i>30</i>	<i>37</i>
<i>9. Другие регионы</i>	<i>28</i>	<i>20</i>	<i>48</i>
<i>Всего</i>	<i>226</i>	<i>465</i>	<i>691</i>

Очевидными приоритетными направлениями является развитие таких регионов, как Ассам, Нагаленд и Аруначал-Прадеш. И это не случайно, поскольку именно в этих штатах решаются не только экономические проблемы, здесь также наиболее сильны сепаратистские настроения.

Тем не менее, в целом сохраняется паритет интересов штатов, в зависимости от определенных критериев, таких как, например, численность населения, изношенность фондов и так далее. Количество государственных проектов включает в себя как новые, так и незавершенные, находящиеся в стадии реализации.

Специальные программы правительственной помощи учитывают даже особенности и своеобразие топографии штатов Манипур, Трипура и Ассам, которые существенно отстают в социально-экономическом развитии с точки зрения развития инфраструктуры, качества дорог, здравоохранения, образования и так далее. Как правило, именно эти районы СВИ занимают последние места в рейтинге инфраструктуры Индии в целом.

Общемировая практика развития экономики, как правило, предусматривает строительство дорог, инфраструктурных объектов с высоким мультипликативным эффектом, способных решить проблему занятости населения, что в условиях Индии немаловажно.

Решить существующие проблемы призваны правительственные программы, реализация крупных инфраструктурных проектов по развитию дорожной сети с целью укрепления регионального взаимодействия, интеграции и трансграничного сообщения. Возможность максимально быстрого транспортного соединения СВИ с остальной Индией может сгладить довольно острую проблему изоляции местных племен и народов.

Транспортная проблема региона является одной из ключевых. В программе модернизации десятки тысяч километров дорожной сети, включая федеральные трассы (national highways) и местные дороги. Основной задачей является соединение всех столиц штатов и 88 районных администраций 2- и 4-полосными дорогами.

Учитывая, что 96% территории региона имеет протяженные границы с такими странами, как Бангладеш и Мьянма, правительство Индии рассматривает СВИ как возможный важный транспортный, логистический и коммерческий узел для взаимодействия со странами АСЕАН, тем более что существуют реальные возможности для создания регионального экономического взаимодействия.

В этой связи Дели предпринимает усилия по развитию дорожных и портовых проектов в Мьянме, увеличение пропускной способности таможни на индийско-бирманской границе, развитие дорожного и ж/д сообщения в НРБ и увеличение пропускной способности таможни на индийско-бангладешской границе.

Актуальным остается железнодорожное соединение всех столиц штатов сетью узкоколейных и ширококолейных железных дорог. Растущий внутренний трафик требует расширения мощностей сети, в том числе для ведения торговых операций с соседними странами.

Интенсивные работы по расширению ж/д сети региона начались лишь при правительстве Н. Моди. Так, первая железная дорога Мегхалаи была запущена только в ноябре 2014 года. В 2016 году Агартала (Трипура), важный железнодорожный узел, объединяющий внутренние регионы СВИ с соседней Бангладеш, наконец получила ширококолейную ж/д сеть. Практика строительства железнодорожных объектов логично вписывается в политику правительства Н. Моди Act East Policy («Движения на восток») [11].

Тем не менее, множество районов остаются без всякого сообщения. Проблема осложняется особыми природными условиями, когда дороги в условиях крайне влажного климата СВИ размываются и не функционируют. В таких условиях приоритетной могла бы стать задача по созданию сети внутрирегиональных авиаперевозок. Проводимая транспортная реформа предусматривает строительство новых и модернизацию действующих аэропортов. МР СВИ активно взаимодействует с Министерством гражданской авиации по вопросу превращения аэропортов региона в современные хабы, например, в Агартале, Гувахати. Модернизируется техническая зона, так, в Гувахати введены в эксплуатацию 3 современно оборудованных ангара. Начиная с 2015 года налажено ежедневное прямое

авиасообщение из Дели в Димапур (Нагаленд) через Калькутту (и обратно), авиарейс с Нагалендом (рейс «Калькутта-Силчар» запущен 20.03). Введен в эксплуатацию аэропорт Greenfield (Пакьонг, Сикким, 24.09.2018) Регулярными стали авиарейсы между Дели и Айзаулом (Мизорам) [12].

В условиях расширения возможностей туристического кластера в Шиллонге разработаны программы по расширению аэропортовых объектов и увеличению количества полетов вертолетов и так далее. Предусмотрена модернизация аэропорта в Импахале (Манипур), требующая интенсификации сообщения в вечернее и ночное время. Обозначены перспективы коммерческого авиасообщения между Гувахати и Дели, Бангалором, Джайпуром. Осуществляется сотрудничество с вертолетными компаниями, в том числе с такими крупными, как Pawan Hans [13].

Министерство внутреннего водного транспорта Индии реализует ряд проектов по развитию системы ВТ СВИ, в том числе National Waterway-2 (Брахмапутра) от Дхубри (граница с НРБ) до Садии, а также от Лакхипура до Бханги (река Барак, 121 км). В 2018 году запущено паромное судоходство в Ассаме, соединяющие о-ва Ниамати и Маджули (через ж/д мост Тезпур). Важный проект связан с расширением паромного сообщения между северным и южным берегом Брахмапутры. Это упрощает торговлю между такими важными центрами, как Гоалпара, Гувахати, Нагаон и Дибругарх.

Планируется восстановить водные пути Гумти и Оара для облегчения сообщения с НРБ. Целью повышения уровня транспортной доступности становится обеспечение динамичного развития региона [14].

Энергетика. Традиционно важнейшим направлением следует считать развитие энергетической сферы, поскольку решается проблема нехватки электроэнергии. СВИ богата гидроресурсами. В основном в энергобалансе преобладают гидро- и тепловая энергия. При этом значительная доля энергии импортируется как из других регионов Индии, так и из соседних стран (Непал, Бутан, КНР). В регионе пока не построено ни одной АЭС, а доля возобновляемой энергии (солнечная, ветровая и биомасса) крайне мала. Потенциал гидроэнергии составляет 62000 МВт, а производится всего 2000 МВт. В настоящее время реализуются проекты общей мощностью 5480 МВт. Аруначал-Прадеш имеет наибольший гидропотенциал (50064 МВт). Гидропроекты региона находятся под контролем «Центрального госсектора» (Central Public Sector). В их реализации участвует МНВЭИ (Министерство новой и возобновляемой энергетики Индии) и НЕС, которые финансируют и проектируют эти проекты. Как правило, в СВИ реализуются проекты малых гидрообъектов (мощность до 25 МВт) [15].

Проект «Мегадамбы» (Mega dams) позволяет решать задачи дорожной коммуникационной инфраструктуры, попутно способствуя развитию туристических возможностей, рыболовства, ирригации, модернизации и вводу в строй новых систем водоснабжения, осуществлению планов по защите окружающей среды. Мультипликативный эффект реализации такого проекта – развитие инфраструктуры, многочисленные образовательные

программы, предусматривающие повышение квалификации местного населения, обслуживающего данные объекты, решение социальных задач, обеспечение занятости и повышение уровня и качества жизни населения.

Согласно данным МЭИ (Министерства энергетики Индии) в СВИ введены в эксплуатацию 5 объектов гидроэнергетики (мощность 2810 МВт), в Сиккиме – 10 (2622 МВт). Энергетические проекты рассчитаны на производство дополнительных 5596 МВт, а также строительство современной трансмиссионной и распределительной системы (ТРС) в Аруначал-Прадеш и Сиккиме. Программами *NER Power System Improvement Project* подразумевается улучшение ТРС в Ассаме, Манипуре, Мегхалае, Мизораме, Нагаленде и Трипуре. Благодаря реализации проекта ЛЭП в Манипуре население получило возможность непрерывного энергоснабжения на срок не менее 18 часов. Этот план реализуется в рамках масштабной программы «План обеспечения ежедневного энергоснабжения деревни» (*Din Dayal Upadhyaya Gram Jyoti Yojna*) [16].

Может, кому-то покажется незначительным достижение индийцев по бесперебойному 18-часовому электроснабжению, однако для жителей СВИ это значительная победа «света над тьмой». Правительство на всех уровнях ищет оптимальные варианты развития региональной гидроэнергетики. Крайне приветствуется привлечение иностранных инвесторов, заключаются кредитные соглашения на максимально мягких условиях [17].

Развитие сельского хозяйства в СВИ происходит в рамках масштабной программы Н. Моди «Производи в Индии» (*Make in India*). Большие средства выделяются на то, чтобы мировыми брендами региона стали производство чая, продукты органического производства, натуральные и экологические. Развитие сельского хозяйства по современным технологиям предусматривает так называемую «Миссию по органическому земледелию» (*Organic Farming*).

Значительные ресурсы направляются на внедрение новых технологий и расширение производства бамбука, приветствуется любая возможность с использованием с большей долей эффективности имеющиеся богатые запасы бамбука в Мизораме («Бамбуковом штате») и Трипуре. Производство мебели, бумаги может обеспечить потребности всей страны. В этой связи создан правительственный «Совет по развитию бамбукового производства» (*Bamboo Development Board*). Для развития бамбукового производства региона используются современные китайские технологии. Предусматривается повышение урожайности, механизация ручных процессов производства. Развитие целлюлозной промышленности включает возрождение релевантных фабрик в Трипуре. Создан «Институт развития бамбуковой и сахарно-тростниковой отрасли» в Агартале (при Министерстве текстильной промышленности Индии) как центр передовых технологий, связанных с бамбуком [18].

Промышленный потенциал. Правительственной программой («Схема промышленного развития СВИ» / *North East Industrial Development Scheme, NEIDS*) предусматривается содействие индустриализации региона, стиму-

лируя занятость и получение доходов в обрабатывающей промышленности и секторе услуг. В рамках этой схемы для них предусмотрены льготные кредитные линии до 2 млрд рупий (30 млн долларов) на единицу продукции с условием инвестирования промышленное производство и приобретение технологического оборудования. В качестве финансовой поддержки малого бизнеса в отсутствие заемных средств создана «Финансовая корпорация СВИ по развитию малого предпринимательства» [19].

Основной упор правительством Индии делается на развитие малого бизнеса и предпринимательства в сфере мелкого кустарного производства, сельского хозяйства, предоставления услуг и туристического бизнеса. Промышленное производство представлено небольшими компаниями по производству продуктов питания, свечной продукции компании Brahmaputra Cracker & Polymer Ltd, а также стекла, гранита, черной керамики, фармацевтической отрасли (лекарств Аюрведы), резины и так далее.

Развитие туристического кластера в СВИ может стать драйвером развития этого региона, весьма полезной опцией на общем фоне экономической привлекательности, поскольку именно этот регион славится прекрасным ландшафтным и природным потенциалом. Дело сейчас за превращением этих территорий в мирный регион и вложением капитальных средств. Весомым вкладом могут стать пиар-кампании, пропагандирование туристического потенциала в рамках «Движения на восток» (Act East Policy) с брендом «лица СВИ» (Brand Ambassador). Необходимо использовать традиционные для региона культурные традиции, фестивали, привлекающие своей экзотикой внимание туристов, а также мощного киноиндустриального потенциала для индийского Болливуда. Потенциально СВИ может стать туристическим раем для любителей водного и горного спорта, приключений и «дикого и оздоровительного туризма», что будет способствовать развитию инвестиционной привлекательности СВИ [20].

Бизнес-потенциал СВИ. Индийские чиновники считают, что истинный потенциал региона велик, но мало известен остальному миру. Богатые природные ресурсы, леса и сельскохозяйственные земли, рекреационный потенциал, близость региона к стремительно развивающимся рынкам АСЕАН и Бангладеш открывают для Индии возможности ведения широкомасштабной торговли с этими странами. Необходимо своевременно осваивать эти рынки, что требует расширения логистических возможностей, системы современных транспортных коммуникаций. Внутренние и внешние экспортные возможности – это, как правило, фрукты (ананасы, киви, апельсины), а также грибы, пальмовое масло и главный бренд (чай). Мировые тенденции в условиях новых требований к производству органических и экологически чистых продуктов питания диктуют новые направления развития сельскохозяйственного производства. И здесь, в данном сегменте, у Индии и СВИ есть все шансы занять определенную нишу.

На всех уровнях предпринимаются определенные шаги по внедрению максимально эффективных правил ведения бизнеса, стимулируется, финан-

сируется и поощряется активность населения и создание в регионе особого духа предпринимательства. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для бизнеса, что весьма позитивно, ведь создаются возможности для подготовки региона к привлечению инвестиций.

Заключение

Резюмируя все вышеперечисленные достижения и тенденции, следует признать, что последние пять лет (2014–2019 гг.) прошли для СВИ под знаком серьезных экономических трансформаций в рамках «Восточной политики» (East Policy) Н. Моди. Более того, в самые последние годы этот курс только набирает обороты и имеет все шансы судьбоносным для СВИ.

Премьер-министр Индии не только обозначил цели приоритетного значения развития региона и необходимости реализации многочисленных программ развития СВИ, но и практически воплощает в жизнь свои реформы в области экономики, создания современной инфраструктуры, решения социальных задач – занятости населения, образования и культуры. Практически все штаты, за некоторым исключением, развиваются стремительно, демонстрируя значительный экономический рост, имея огромный потенциал для развития в самых разных областях (от органического земледелия до производства возобновляемой энергии). Безусловно, путь, по которому идет Индия, труден и непрост, но важно то, что СВИ перестает быть изгоем, игнорируемым регионом. Напротив, четко обозначены его перспективы как «ворот» в ЮА и ЮВА, что увеличивает шансы региона на решение давних проблем, снизив уровень сепаратистской напряженности, являющейся тормозом развития. Такие тенденции иллюстрируются наличием политических договоренностей и достижением мирных соглашений с прежде враждебными к центральной власти группировками. Опыт Индии еще раз подчеркивает преимущества решения спорных проблем экономическими и социальными методами.

Несмотря на определенные перспективы и довольно значительные экономические успехи, проблемой может обернуться неконтролируемый рост населения (в Индии в целом и СВИ в частности) и тяжелая борьба с бедностью и нищетой. Это, безусловно, будет оказывать негативное влияние на усилия индийского правительства по достижению экономического прогресса и улучшения качества жизни населения СВИ. Таким образом, можно предположить, что проблема сепаратизма в регионе может оставаться актуальной, поскольку очевидно, что в одночасье преодолеть последствия длительного застоя (даже с учетом форсированной и стремительной реализации экономических реформ) невозможно. Это был бы довольно оптимистичный сценарий.

Тем не менее, оценка деятельности правительства Н. Моди по экономическому развитию региона, влиянию результатов реформ на общее состояние дел, повышение уровня жизни, снижение социальной напряженности и

уровня сепаратизма в регионе, безусловно, заслуживает внимания и уважения. Очевидно, что рост или спад сепаратистской деятельности в будущем практически напрямую зависит от успехов по реализации проекта Н. Модии по строительству новой модернизированной Индии, где интересы всех регионов по возможности учитываются и уважаются. Превращение этого плана в реальность и практика проведения реформ может стать отличным опытом для стран, сталкивающихся с подобными проблемами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.01.2020).
- [2] NEC Regional Plan (2017–18 to 2019–20). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017-18%20to%202019-20.pdf> (дата обращения 22.10.2019).
- [3] NEC Regional Plan (2017–18 to 2019–20). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017-18%20to%202019-20.pdf> (дата обращения 22.10.2019).
- [4] NEC Regional Plan (2017–18 to 2019–20). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017-18%20to%202019-20.pdf> (дата обращения 22.10.2019).
- [5] URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.01.2020).
- [6] URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.01.2020).
- [7] URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.01.2020).
- [8] Ministry for Development of North-East Region (Annual report 2018/19). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018-19.pdf> (дата обращения 25.01.2020).
- [9] URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/govt-revises-north-east-industrial-and-investment-promotion-policy/articleshow/56071886.cms?from=mdr> (дата обращения 10.01.2020).
- [10] Ministry for Development of North-East Region (Annual report 2018/19). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018-19.pdf> (дата обращения 25.01.2020).
- [11] Ministry for Development of North-East Region (26.12.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=155853> (дата обращения 02.10.2019).
- [12] Ministry for Development of North-East Region (Annual report 2018/19). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018-19.pdf> (дата обращения 25.01.2020).
- [13] Ministry for Development of North-East Region (09.04.2015). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=118116> (дата обращения 22.09.2019).
- [14] Ministry for Development of North-East Region (annual report 2018/19). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018-19.pdf> (дата обращения 25.01.2020).
- [15] Das C.K. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) («Дас С.К. Инклюзивное развитие СВИ (Водный портал Индии»)).
- [16] Ministry for Development of North-East Region (29.05.2015). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=122120> (дата обращения 22.09.2019).
- [17] Pure Purvattara me kamal khilane me BJP («БДП начала предвыборную кампанию в СВИ») // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (дата обращения 17.10.2019).

- [18] URL: https://www.paramparaproject.org/institution_BCDI.html (дата обращения 22.01.2020).
- [19] URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.01.2020).
- [20] Ministry for Development of North-East Region (20.01.2015). URL: <https://pib.gov.in/newsite/mbErel.aspx?relid=114811> (дата обращения 20.09.2019).

Research article

Economic and social measures of Narendra Modi's government to solve the problem of separatism in North – Eastern India (NER)

S.A. Mikhailov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

This article attempts to analyze the current economic development of North – Eastern India (NER) in the light of solving problems related to separatism in this region. This problem is extremely relevant, because it is impossible to achieve the economic breakthrough and prosperity of the region without the final eradication of separatism and terrorism in NER. The used sources are mainly up-to-date analysis of Indian ministries and departments (Ministry of development of NER, NEC / North Eastern Council and some others), as well as Internet materials from Indian and international sources (Deutsche Welle).

Key words: North-Eastern India (NER), Central government (Delhi), Narendra Modi, economic and social measures for NER development, ethnic separatism

Информация о авторе / Information about the author

Михайлов Сергей Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Sergey Mikhailov – postgraduate student of the Chair of the World history, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail:* wetter248@mail.ru

Для цитирования / For citation

Mikhailov S.A. Economic and social measures of Narendra Modi's government to solve the problem of separatism in North – Eastern India (NER) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 47–59. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-47-59>

Михайлов С.А. Экономические и социальные меры правительства Нарендры Моды по решению проблемы сепаратизма в Северо-Восточной Индии // RUDN Journal of World History. 2020. Т. 12. № 1. Р. 47–59. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-47-59>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 03.03.2020

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ HISTORY OF CULTURE

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-60-71

Научная статья

Архитектурно-парковый ансамбль Альгамбра и Хенералифе как объект культурного наследия и туристский ресурс

К.Н. Филимонова, Е.Г. Зуева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме использования объектов культурного наследия в качестве туристских ресурсов на примере архитектурно-паркового ансамбля Альгамбра и Хенералифе в Гранаде, второго по посещаемости памятника Испании. Автор обращается к вопросам и проблемам, связанным со сложностями консервации, реставрации и интерпретации данного комплекса и управления туристскими потоками. Управление таким сложным объектом культурного наследия, как Альгамбра и Хенералифе, требует обязательного мультидисциплинарного подхода, в котором принимают участия специалисты разных сфер.

Ключевые слова: культурное наследие; сохранение культурного наследия; памятник; культурный туризм; мавританское искусство; Испания; Альгамбра

Введение. Во второй половине XX века с развитием массового туризма объекты культурного наследия стали превращаться в туристский ресурс, и в 80-е годы появилось понятие «культурный туризм». Международный совет по охране памятников и достопримечательностей (ICOMOS) под культурным туризмом понимает такую форму туризма, *«цель которого состоит в знакомстве с культурой и культурной средой места посещения, включая ландшафт, с традициями жителей и их образом жизни, художественной культурой и искусством, различными формами проведения досуга местного населения. Культурный туризм может включать посещение культурных мероприятий, музеев, объектов культурного наследия, контакты с местными жителями»* [1, с. 22].

© Филимонова К.Н., Зуева Е.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Однако при последовательном анализе правовых актов международного и европейского уровней мы можем видеть противоречие между сохранением культурного наследия и развитием туризма. В документах, посвященных охране памятников, основными идеями являются комплексный подход к консервации, реставрации и дальнейшему использованию культурного наследия, отмечается образовательная и воспитательная роль памятников истории и культуры, их важность для самоидентификации общества. При этом туризм воспринимается как угроза для сохранения культурного наследия, так как, хотя в документах по туризму и отмечается важность исторических и культурных памятников, но на первый план выходит туристский продукт и его финансовая прибыль [2].

Можно сказать, что на данном этапе еще не сложилась единая и непротиворечивая международная система правового регулирования именно культурного туризма. Документы международных организаций дают теоретическую основу и указания для разработки различными государствами своего законодательства в данной сфере, которое должно учесть как национальную правовую систему, так и культурные особенности страны, и помочь разрешить противоречие между сохранением памятников и массификацией туризма.

В Испании одним из центров культурного туризма является Андалусия, благодаря дворцово-парковому ансамблю Альгамбра и Хенералифе в Гранаде – второму по посещаемости памятнику страны, историческая и художественная ценность которого признаны на международном уровне.

Популярность Альгамбры среди туристов требует эффективного управления, которое позволит гармонично сочетать основные задачи: сохранение памятника, его популяризацию среди местного населения и туристов, проведение его исследований, а также его использование в качестве туристского ресурса с целью получения экономической выгоды.

Охрана и управление комплексом Альгамбра и Хенералифе. Одним из важных инструментов управления культурным наследием страны является развитая и эффективная нормативная правовая база. Согласно закону 16/1985 от 25 июля «Об историческом наследии Испании» [3], закону 14/2007 от 26 ноября «Об историческом наследии Андалусии» [4] и указу 107/2004 от 23 марта [5] Альгамбра и Хенералифе определяются как *Объект Культурного Интереса* (исп. Bien de Interes Cultural (BIC)) в категории «памятники», что подразумевает наивысшую категорию защиты, предоставляемую объектам культурного наследия в соответствии с региональным и национальным законодательством Испании.

На международном уровне значимость комплекса Альгамбра и Хенералифе была признана в 1984 году, когда памятник был внесен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Прежде всего это событие означает обязательство национальных и региональных органов власти Испании перед международным сообществом по консервации и защите монументального комплекса и его окружающей среды с особой тщательностью. В 1994 году

Комиссия по всемирному наследию ЮНЕСКО расширила охраняемую территорию, включив район Альбайсин.

Внесение памятника в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО потребовало от испанских властей сформировать новый орган управления комплексом Альгамбра и Хенералифе – Попечительский совет [6], созданный при региональном Совете по культуре и историческому наследию Хунты Андалусии (регионального правительства). Данный орган отвечает за охрану, использование, сохранение и популяризацию этого монументального комплекса. Проанализировав организационную структуру Попечительского совета, можно сделать вывод, что при его создании особое внимание уделялось междисциплинарному подходу к управлению, так как в него входят отделы консервации и защиты; исследований и популяризации; маркетинга и организации экскурсий; отдел по паркам и садам и другие. Также была создана Техническая комиссия – консультативный орган по вопросам, связанным с сохранением памятника, в который входят эксперты в области истории, искусствоведения, архитектуры, реставрации, урбанистики [7].

Попечительский совет разрабатывает основной инструмент управления Альгамброй – Генеральный план, в котором указаны краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели. Действующий план на период 2007 – 2020 годы включает в себя 154 программы по четырем направлениям: консервация памятника, сохранение культурного ландшафта, развитие сбалансированного туризма, внедрение новых технологий [8]. Несмотря на достаточно подробный план управления таким сложным комплексом возникают некоторые сложности, связанные как с консервацией и реставрацией комплекса, так и регулированием количества туристов.

Основные сложности консервации, реставрации и интерпретации памятника. Архитектурно-парковый ансамбль Альгамбра и Хенералифе складывался на протяжении нескольких веков и на сегодняшний день включает в себя:

- Крепость Алькасаба IX века, которая является самой старой частью комплекса;
- Непосредственно сама Альгамбра (XIII – XIV века) с дворцом Насридов и садами;
- Медина – жилое поселение, располагавшееся на территории цитадели. Здесь жил обслуживающий персонал дворца и располагались ремесленные мастерские, а сейчас можно наблюдать сохранившиеся руины;
- Дворец Карлоса V (начало строительства 1527 год), в котором сейчас находятся Музей Альгамбры и Музей изобразительных искусств;
- Сады Хенералифе (XIV века) – бывшая летняя резиденция эмиров, которая изначально была отдельным комплексом;
- Городской район Альбайсин, где сохранилось большое количество средневековых построек мусульманского периода [9].

Как мы можем видеть, на ограниченной территории комплекса находится большое количество объектов культурного и природного наследия, относящихся к разным историческим периодам и культурам (мусульманской и христианской), а также к разным типам (археологические, архитектурные, произведения садово-паркового искусства и так далее). Кроме того, важно помнить и о нематериальном культурном наследии, связанном с Альгамброй (сказания, легенды, музыкальные произведения).

Такое многообразие вызывает технические сложности консервации и реставрации Альгамбры и Хенералифе. Современная Альгамбра сохраняет все изменения, происходившие на протяжении веков: начало строительства крепости Алькасаба в IX веке, появление дворца Насридов и Хенералифе в XIV веке, их постоянные перестройки при смене правителей, затем строительство дворца Карла V и падение значимости региона Андалусии с переносом политической жизни в Мадрид, и долгий период, когда о крепости никто не вспоминал. Затем дворец заняли войска Наполеона в 1812 году, что спасло *«этот великолепный памятник мавританской культуры от полнейшего упадка и разорения. Крыши починили, залы и галереи защитили от непогоды, сады стали ухожены, водостоки обновлены и фонтаны опять забили искристыми струями...»* [10]. За последние два века объект пережил большое количество реконструкций и реставраций.

Как уже отмечалось, управление Альгамброй осуществляется с помощью Генерального плана, в рамках которого разрабатывается программа по сохранению памятника. Одним из ее важных элементов является разработка каталогов всего движимого и недвижимого имущества и объектов этнологического наследия [11, с. 46–47], находящихся на территории Альгамбры, которые содержат описания объектов: в каком состоянии они находятся сейчас, информацию о всех реализованных реставрациях и изменениях, планируемые реставрации и так далее.

Другим инструментом для охраны и сохранения памятника является картографический атлас Альгамбры [11, с. 57], который необходим для реставрации, управления и исследований. В данный атлас включены карты и схемы разных масштабов всей территории комплекса, а также Гранады, на которых указаны периоды постройки, типы культурного и природного наследия, а также патологии той или иной конструкции. Это позволяет специалистам в случае необходимости быстро выявить проблему и разработать комплекс мер для ее решения.

Следующим элементом программы по сохранению памятника является непосредственно подпрограмма по консервации и реставрации Альгамбры [11, с. 87]. Она основывается на Международной хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) 1964 года, которая гласит, что общей целью консервации и реставрации памятников является их сохранение как произведений искусства и как свидетелей истории. Консервация предполагает постоянство ухода за памятником, сохранение его в рамках свойственного ему окружения и масштаба. Ре-

ставрация же должна быть исключительной мерой, которая основывается на уважении к подлинному материалу и достоверным документам. Работам по консервации и реставрации должен предшествовать полный анализ ситуации, они должны сопровождаться составлением точной документации, представленной в виде аналитических и критических отчетов, снабженных рисунками и фотографиями [12].

Таким образом, сохранение Альгамбры – это мультидисциплинарная задача, требующая сотрудничества специалистов в таких областях, как история, археология, искусство, антропология, ботаника, география. Консервация памятника должна учитывать исторический контекст, для чего необходимо знать эволюцию как самой Альгамбры, так и ее окружения.

Еще одной сложностью является интерпретация Альгамбры и Хенералифе. Под интерпретацией культурного наследия понимается искусство объяснения *in situ* значения культурного и природного наследия посетителю, который решил побывать в нем в свое свободное время [13, с. 4].

Интерпретация культурного наследия включает в себя не только непосредственные экскурсии с гидом, но и аудиогиды, брошюры, информационные панели, печатные путеводители, официальный сайт памятника, приложения, видео и так далее.

Каждый объект культурного и природного наследия, находящийся на территории комплекса Альгамбра и Хенералифе, с одной стороны, требует особенного подхода, своей собственной интерпретации, а, с другой стороны, должен рассматриваться неразрывно от других, создавая у посетителя целостное и полное представление об объекте историко-художественного наследия (его истории, художественных характеристиках, условиях формирования), избегая исторической фальсификации.

Кроме того, Альгамбра – это не застывший во времени объект, а отражение потребностей современного общества, как местных жителей, так и туристов, которые признают историческую и художественную ценность памятника. Алоиз Ригль писал: *«Если не существует вечной художественной ценности, а есть всего лишь относительная современная, тогда художественная ценность памятника не обладает больше ценностью воспоминания о прошлом, а является ценностью настоящего»* [14, с. 15].

Такой подход к объекту культурного наследия, не только как к свидетельству прошлого, но и как к части современности, предполагает разработку дидактических материалов, культурных и экскурсионных программ, отражающих потребности посетителей и ориентирующихся на разный их тип: турист или местный житель, возрастная категория, цель посещения, первоначальные знания об Альгамбре и Гранаде, так как посетитель воспримет только ту информацию, которая ему нужна и понятна [15]. Кроме того, памятники культурного наследия представляют важность не только для отдельных индивидуумов, но и для общества в целом: возможность для развития, самоидентификации или развлечения [16]. Различные экскурсионные и

культурные программы, разработанные руководством Альгамбры, являются одним из способов решения следующей проблемы – массификации туризма.

Проблема управления туристскими потоками в Альгамбре и Хенералифе. Комплекс Альгамбра и Хенералифе является маркой региона Андалусия и вторым по посещаемости памятником Испании, уступая только Храму Святого Семейства в Барселоне [17]. Ежегодный поток туристов в нем составляет более 2 миллионов человек [18, с. 13]. Количество посетителей объекта растет с каждым годом, что можно увидеть на рисунке 1. Согласно официальным данным Хунты Андалусии в 2018 году количество туристов в Альгамбре достигло 2 724 566 человек. Основную массу составляют иностранцы (1 819 245 человек) [18, с. 6].

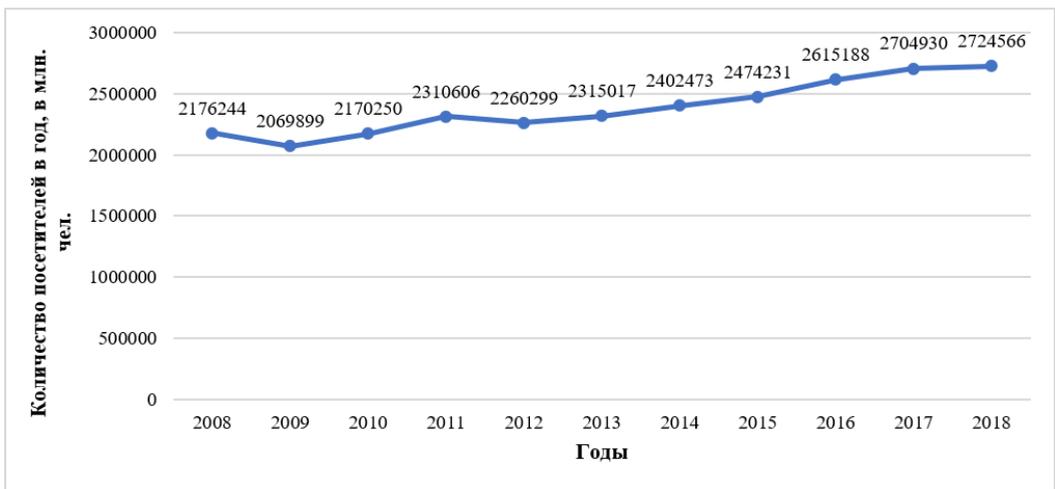

Рис. 1. Количество посетителей Альгамбры и Хенералифе в год

Однако местные СМИ приводят другую цифру – 2 766 887 человек, что превышает установленную квоту посещения в 2 763 500 человек ежегодно [19] на 3 387 посетителей [17, 20], что свидетельствует о неэффективном контроле за распространением билетов.

Привлекательность Альгамбры для туристов со всего мира заставила власти задуматься о том, как совместить две противоположные задачи: сохранение памятника и его экономическую рентабельность, поэтому одним из основных направлений Генерального плана является развитие *сбалансированного туризма*, которое не наносит вред памятнику.

С этой целью Хунтой Андалусии ежегодно устанавливаются квоты на посещение дворцово-паркового ансамбля Альгамбра и Хенералифе, то есть ограничивается количество посетителей, которые могут войти на территорию комплекса ежегодно. Так, согласно Решению Попечительского совета Альгамбры и Хенералифе от 16 января 2020 года, устанавливается квота на посещение в 2 763 500 человек. Также ограничивается вход во Дворец Насридов: доступ возможен с интервалами в 30 минут с максимальным ко-

личеством посетителей 300 человек, то есть около 50 человек каждые 5 минут [21]. Время экскурсии указывается в каждом билете отдельно.

Кроме того, с 2020 года был ужесточен контроль за продажей билетов для посещения Альгамбры и Хенералифе: теперь их можно приобрести только через официальный сайт и кассы, все билеты являются именными. При этом 18% от всех билетов должны быть выделены для образовательных, культурных, социальных организаций, а также для исследователей [21].

Однако, на наш взгляд, наиболее эффективным инструментом управления является не установление квот на посещение памятника, а регулирование туристического потока. Чтобы снизить нагрузку с самого посещаемого памятника комплекса – Дворца Насридов – было разработано 12 альтернативных маршрутов, которые включают в себя не только посещение дворцово-паркового ансамбля, но и других объектов культурного наследия Гранады. Это такие маршруты, как: «Альгамбра и Гранада эпохи Карла V: мечта императора», «Женщина в эпоху мусульманской Гранады и в эпоху Возрождения», «Христианский город. Политические, социальные и религиозные изменения», «Конкиста воды. Использование воды в испано-мусульманской и христианской культурах», «Альгамбра: территория, пространство и город. Художественные и функциональные особенности искусства в период Насридов», «Внешние ворота», «Королевский город и его окрестности. Наследие архитектуры Аль Андалуса», «Зал Абенсерагов: новый взгляд в археологии», «Вода в Альгамбре: колодцы», «Вода в Альгамбре: оросительные каналы», «От живописи к музыке в прогулках по Гранаде», «В наслаждении тишиной. Монастыри Гранады». Кроме того, были созданы маршруты для знакомства с местной флорой и фауной, а также смотровые площадки [11, с. 190–228].

На территории памятника периодически проводятся различные театрализованные экскурсии, ориентированные на семьи с детьми, временные экспозиции, мастер-классы, концерты и отдельные бесплатные экскурсии для жителей города Гранада. Также в сотрудничестве с университетами проходят конференции и семинары, где специалисты в сфере культурного наследия и туризма могут обсуждать актуальные вопросы и делиться своим опытом. Например, в 2015 году здесь был проведен Международный семинар «Возможность приема и управление туристскими потоками в культурных пространствах», в 2019 году – Международная конференция по возрождению исторических садов.

Как мы видим, Попечительский совет Альгамбры старается уйти от традиционных экскурсионных посещений, в центре которых обычно находятся шедевры и самые яркие памятники, а разрабатывает тематические маршруты для разного типа посетителей, с различными интересами и начальными знаниями. Такой подход дает возможность, с одной стороны, познакомить посетителей (как туристов, так и местное население) с малоизвестными фактами об Альгамбре и не отделять ее от Гранады, что создает более полный контекст, а, с другой стороны, сократить потоки туристов в самых посещаемых дворцах.

Заключение. Управление таким сложным объектом культурного наследия, как архитектурно-парковый ансамбль Альгамбра и Хенералифе, требует обязательного мультидисциплинарного подхода, в котором принимают участия специалисты разных сфер.

Альгамбра является символом Андалусии, центром массового туризма, что, с одной стороны, положительно влияет на экономику и занятость в регионе, но, с другой стороны, наносит вред самому памятнику. Сейчас перед руководством комплекса стоит важная задача установить равновесие между количеством посетителей, экономической рентабельностью и сохранением Альгамбры. Для этого необходимо следить за количеством туристов, которое не должно превышать установленную квоту, и осуществлять контроль за продажей билетов.

Наиболее важными задачами для сохранения и использования памятника являются разработка и реализация комплексных программ консервации и реставрации Альгамбры и Хенералифе, учитывающих не только их эволюцию, но и их окружение; а также реализация программ по интерпретации культурного и природного наследия памятника, которые позволят как удовлетворить потребности разных типов посетителей, так и эффективно управлять туристическими потоками, чтобы разгрузить Дворец Насридов.

Альгамбра и Хенералифе превращаются в крупный культурно-образовательный и исследовательский центр Испании и всей Европы, который должен быть интересен не только иностранным туристам, но, в первую очередь, местному населению всех возрастов. Для эффективного управления памятником необходима реализация текущего контроля за выполнением Генерального плана, а также проведение анализа его результативности после выполнения в 2020 году.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] International Cultural Tourism Charter: Principles and guidelines for managing tourism at places of cultural and Heritage significance. ICOMOS. 2002. С. 22. URL: <http://www.charts-interreg4c.eu/app/download/5796628919/ICOMOS+International+Cultural+Tourism+Charter+1999.pdf>
- [2] Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия), 1965. ICOMOS. URL: http://icomos.org.ru/images/docs/1964_Mezhdunarodnaya%20hartiya%20po%20konservacii%20i%20restavracii.pdf
Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, 1972. ICOMOS. URL: http://icomos.org.ru/images/docs/convention_1972-1.pdf
Конвенция об охране архитектурного наследия Европы, 1985. Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901746444>
Carta del turismo y código del turista, 1985. APIE. URL: <http://www.apiepr.org/files/carta-codigo-turista.pdf>
International Cultural Tourism Charter, 1999. ICOMOS. URL: <https://www.icomos.org/en/newsletters-archives/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/162-international-cultural-tourism-charter>

- [3] Ley 16/1985, de 25 de junio, del Patrimonio Histórico Español. BOE. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12534>
- [4] Ley 14/2007, de 26 de noviembre, del Patrimonio Histórico de Andalucía. BOE. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2008/BOE-A-2008-2494-consolidado.pdf>
- [5] Decreto 107/2004, de 23 de marzo, por el que se declara y delimita el Bien de Interés Cultural, con la categoría de Monumento, de la Alhambra y el Generalife de Granada. Junta de Adalucía. URL: <https://www.juntadeandalucia.es/boja/2004/74/31>
- [6] Patronato. Patronato de la Alhambra y Generalife. URL: <http://www.alhambra-patronato.es/patronato>
- [7] Órganos de Gobierno. Patronato de la Alhambra y Generalife. URL: <http://www.alhambra-patronato.es/patronato/informacion-institucional/organos-de-gobierno>
- [8] Plan Director. Patronato de la Alhambra y Generalife. URL: <http://www.alhambra-patronato.es/patronato/informacion-institucional/plan-director-2007-2020>
- [9] Alhambra, Generalife and Albayzín, Granada. UNESCO. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/314>
- [10] *Ирвинг В. Альгамбра*. URL: https://royallib.com/read/irving_vashington/algambra.html#0
- [11] Plan Director de la Alhambra y Generalife. Granada: Patronato de La Alhambra y Generalife, 2010. URL: http://www.alhambra-patronato.es/wp-content/uploads/2018/08/TOMO_1-1-1.pdf
- [12] Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) 1965 года. ICOMOS. URL: http://icomos.org.ru/images/docs/1964_Mezhdunarodnaya%20hartiya%20po%20konservacii%20i%20restavracii.pdf
- [13] *Morales J., Guerra F., Serantes A.* Bases para la Definición de Competencias en Interpretación del Patrimonio – Fundamentos teóricos y metodológicos para definir las Competencias Profesionales de Especialistas en Interpretación del Patrimonio en España. Seminario Permanente de Interpretación del Patrimonio, Centro Nacional de Educación Ambiental – CENEAM, España, 2009.
- [14] *Ригль А.* Современный культ памятников: его сущность и возникновение. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018.
- [15] *Ramos García F.* La interpretación del patrimonio como herramienta básica del turismo cultural: análisis de varias experiencias. Patrimonio Cultural y Turismo. Cuadernos №18, 2013.
- [16] *Morales J.* El sentido y metodología de la interpretación del patrimonio. En: Santos Mateos Rusillo (coord.), La comunicación global del patrimonio cultural, Gijón: Trea, 2008.
- [17] La Alhambra de Granada bate su récord de visitantes. ABCandalucía. URL: https://sevilla.abc.es/andalucia/granada/sevi-alhambra-granada-bate-record-visitantes-201902251442_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F
- [18] Estadística de la Red de Espacios Culturales de Andalucía 2018. Junta de Adndalucía, 2019. URL: https://www.juntadeandalucia.es/export/drupaljda/producto_estadistica/19/06/EspaciosCulturales18.pdf
- [19] Resolución de 26 de septiembre de 2016, del Patronato de la Alhambra y Generalife, por la que se publica la normativa de visita, comercialización y otros usos públicos del Conjunto Monumental de la Alhambra y el Generalife y en sus bienes adscritos. Patronato de la Alhambra y Generalife. URL: <http://www.alhambra-patronato.es/wp-content/uploads/2019/07/boja-5-de-octubre-normativa-vp-y-co-resol-26-09-2016-1.pdf>
- [20] La Alhambra rebasa su aforo máximo en 3.387 personas. Granada Hoy. URL: https://www.granadahoy.com/granada/Alhambra-rebasa-visitadas-aforo-maximo_0_1330367347.html
- [21] Resolución de 16 de enero de 2020 del Patronato de la Alhambra y Generalife, por la que se acuerda publicar la Normativa de Visita, Comercialización y Otros Usos Pú-

blicos del Conjunto Monumental de la Alhambra y el Generalife y en sus bienes adscritos. Patronato de la Alhambra y Generalife. URL: <http://www.alhambra-patronato.es/wp-content/uploads/2020/01/Resoluci%C3%B3n-de-16-de-enero-de-2020-se-publica-Normativa-Visita-P%C3%BAblica-y-Comercializaci%C3%B3n-Alhambra..pdf>

REFERENCES

- [1] International Cultural Tourism Charter: Principles and guidelines for managing tourism at places of cultural and Heritage significance. ICOMOS; 2002. Available from: <http://www.charts-interreg4c.eu/app/download/5796628919/ICOMOS+International+Cultural+Tourism+Charter+1999.pdf> [Accessed 30th January 2020].
- [2] ICOMOS. *The Venice Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites*; 1965. Available from: http://icomos.org.ru/images/docs/1964_Mezhdunarodnaya%20hartiya%20po%20konservacii%20i%20restavracii.pdf [Accessed 30th January 2020].
ICOMOS. *Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage*; 1972. Available from: http://icomos.org.ru/images/docs/convention_1972-1.pdf [Accessed 30th January 2020].
Kodeks. *Convention for the protection of the architectural heritage of Europe*; 1985. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901746444> [Accessed 30th January 2020].
APIE. *Carta del turismo y código del turista*; 1985. Available from: <http://www.apiepr.org/files/carta-codigo-turista.pdf> [Accessed 30th January 2020].
ICOMOS. *International Cultural Tourism Charter*; 1999. Available from: <https://www.icomos.org/en/newsletters-archives/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/162-international-cultural-tourism-charter> [Accessed 30th January 2020].
- [3] BOE. *Ley 16/1985, de 25 de junio, del Patrimonio Histórico Español*. Available from: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12534> [Accessed 30th January 2020].
- [4] BOE. *Ley 14/2007, de 26 de noviembre, del Patrimonio Histórico de Andalucía*. Available from: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2008/BOE-A-2008-2494-consolidado.pdf> [Accessed 30th January 2020].
- [5] Junta de Adalucía. *Decreto 107/2004, de 23 de marzo, por el que se declara y delimita el Bien de Interés Cultural, con la categoría de Monumento, de la Alhambra y el Generalife de Granada*. Available from: <https://www.juntadeandalucia.es/boja/2004/74/31> [Accessed 1th February 2020].
- [6] Patronato de la Alhambra y Generalife. *Patronato*. URL: <http://www.alhambra-patronato.es/patronato> [Accessed 1th February 2020].
- [7] Patronato de la Alhambra y Generalife. *Organos de Gobierno*. Available from: <http://www.alhambra-patronato.es/patronato/informacion-institucional/organos-de-gobierno> [Accessed 1th February 2020].
- [8] Patronato de la Alhambra y Generalife. *Plan Director*. Available from: <http://www.alhambra-patronato.es/patronato/informacion-institucional/plan-director-2007-2020> [Accessed 1th February 2020].
- [9] UNESCO. *Alhambra, Generalife and Albayzín, Granada*. Available from: <http://whc.unesco.org/en/list/314> [Accessed 1th February 2020].
- [10] Irving W. *Alhambra*. Available from: https://royallib.com/read/irving_vashington/algambra.html#0 [Accessed 9th February 2020].
- [11] Plan Director de la Alhambra y Generalife. Granada: Patronato de La Alhambra y Generalife; 2010. Available from: http://www.alhambra-patronato.es/wp-content/uploads/2018/08/TOMO_1-1-1.pdf [Accessed 1th February 2020].
- [12] ICOMOS. *The Venice Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites*; 1965. Available from: http://icomos.org.ru/images/docs/1964_

- Mezhdunarodnaya%20hartiya%20po%20konservacii%20i%20restavracii.pdf [Accessed 9th February 2020].
- [13] Morales J., Guerra F., Serantes A. *Bases para la Definición de Competencias en Interpretación del Patrimonio – Fundamentos teóricos y metodológicos para definir las Competencias Profesionales de Especialistas en Interpretación del Patrimonio en España*. Seminario Permanente de Interpretación del Patrimonio, Centro Nacional de Educación Ambiental – CENEAM, España, 2009.
- [14] Riegl A. *The modern cult of monuments: its character and origin*. Moscow: V-A-C press; 2018.
- [15] Ramos García F. *La interpretación del patrimonio como herramienta básica del turismo cultural: análisis de varias experiencias*. Patrimonio Cultural y Turismo. Cuadernos № 18, 2013.
- [16] Morales J. *El sentido y metodología de la interpretación del patrimonio*. En: Santos Mateos Rusillo (coord.), *La comunicación global del patrimonio cultural*, Gijón: Trea, 2008.
- [17] La Alhambra de Granada bate su récord de visitantes. *ABCandalucía*. Available from: https://sevilla.abc.es/andalucia/granada/sevi-alhambra-granada-bate-record-visitantes-201902251442_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F [Accessed 9th February 2020].
- [18] Estadística de la Red de Espacios Culturales de Andalucía 2018. Junta de Andalucía; 2019. Available from: https://www.juntadeandalucia.es/export/drupaljda/producto_estadistica/19/06/EspaciosCulturales18.pdf [Accessed 9th February 2020].
- [19] Patronato de la Alhambra y Generalife. *Resolución de 26 de septiembre de 2016, del Patronato de la Alhambra y Generalife, por la que se publica la normativa de visita, comercialización y otros usos públicos del Conjunto Monumental de la Alhambra y el Generalife y en sus bienes adscritos*. Available from: <http://www.alhambra-patronato.es/wp-content/uploads/2019/07/boja-5-de-octubre-normativa-vp-y-co-resol-26-09-2016-1.pdf> [Accessed 9th February 2020].
- [20] La Alhambra rebasa su aforo máximo en 3.387 personas. *Granada Hoy*. Available from: https://www.granadahoy.com/granada/Alhambra-rebasa-visitatas-aforo-maximo_0_1330367347.html [Accessed 9th February 2020].
- [21] Patronato de la Alhambra y Generalife. *Resolución de 16 de enero de 2020 del Patronato de la Alhambra y Generalife, por la que se acuerda publicar la Normativa de Visita, Comercialización y Otros Usos Públicos del Conjunto Monumental de la Alhambra y el Generalife y en sus bienes adscritos*. Available from: <http://www.alhambra-patronato.es/wp-content/uploads/2020/01/Resoluci%C3%B3n-de-16-de-enero-de-2020-se-publica-Normativa-Visita-P%C3%BAblica-y-Comercializaci%C3%B3n-Alhambra..pdf> [Accessed 9th February 2020].

Research article

The palace and fortress complex Alhambra and Generalife as cultural heritage and tourist resource

Kseniia Filimonova, Elena Zueva

Peoples Friendship University of Russia
10–2, Miklukho-Maklaya street, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the problem of using cultural heritage sites as tourist resources on the case of the architectural and park complex of the Alhambra and Generalife in Granada, the second most visited monument in Spain. The author refers to problems and issues related to

the difficulties of conservation, restoration and interpretation of the complex and management of tourist flows. The administration of a complex cultural heritage site such as the Alhambra and the Generalife requires a mandatory multidisciplinary approach, involving specialists from different areas.

Key words: cultural heritage; cultural heritage conservation; monument; cultural tourism; Moorish art; Spain; Alhambra

Информация об авторах / Information about the authors

Филимонова Ксения Николаевна – магистрант программы «Культурное наследие: исследование и управление» кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Kseniia Filimonova – Master student of the program “Cultural Heritage: Research and Management” of the Department of World History, Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: 1032186761@rudn.ru

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. E-mail: zueva_eg@rudn.university

Elena G. Zueva – PhD in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: zueva_eg@rudn.university

Для цитирования / For citation

Филимонова К.Н., Зуева Е.Г. Архитектурно-парковый ансамбль Альгамбра и Хенералифе как объект культурного наследия и туристский ресурс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 60–71. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-60-71>

Filimonova K.N., Zueva E.G. The palace and fortress complex Alhambra and Generalife as cultural heritage and tourist resource // RUDN Journal of World History. 2020. Т. 12 № 1. P. 60–71. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-60-71>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.03.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-72-80

Научная статья

Некоторые аспекты влияния музеев на формирование исторической памяти

Г.И. Дындарь, Е.А. Попова

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Музеи являются одним из сложнейших институтов современности, которые сосредотачивают в себе реализацию множества функций. Одну из них можно было бы обозначить как «формирование исторической памяти». Реализация данной функции сопряжена с множеством аспектов гетерогенного характера. Цель данной статьи – раскрыть данные аспекты. Написанное в данной статье следует прежде всего относить к музеям историческим, поскольку именно они являются теми учреждениями, которые наиболее тесно взаимосвязаны с концепцией исторической памяти и исторического знания. Аспекты формирования исторической памяти, рассматриваемые в данной статье, будут изложены в парадигме «memory studies».

Ключевые слова: историческая память, музей, музеи и память

Как справедливо отмечают исследователи, функции, выполняемые различными собраниями предметов неодинаковы [3. Р. 9]. Однако если речь заходит об исторических музеях, освященных каким-либо событиям прошлого или целой эпохи, мы можем утверждать, что функции самого музея и его коллекции неразрывно связаны с его типологией. Музей в данном случае является тем местом, в котором профессиональные ученые-историки и музеологи, посредством конструирования музейного дискурса, представляют широкой публике определенный срез исторических знаний на соответствующую тематику, сопровождающийся различными материальными предметами и документами эпохи, а также иллюстрированный предметами искусства, относящимися к данной теме. Уже исходя из данного определения, можно выделить ряд функций, которые выполняют исторические музеи в рамках концепции исторической памяти.

Осуществление государственной политики в области истории

«Социокультурность» музея определена характером его возникновения: исторические музеи зачастую санкционированы государством, которое

© Дындарь Г.И., Попова Е.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в той или иной степени является выразителем воли и мнения общества, его устремлений и тенденций его развития.

Государство, как социальный институт, выявляет в обществе потребность на освещение определенных событий под определенным углом. Одновременно государство является сложным политическим институтом, развитие которого обусловлено множеством внутренних и внешних факторов, абстрагируясь от которых, можно выделить одну из главнейших целей его существования – самосохранение. Для предотвращения распада общества необходимо поддерживать некую общность ценностей и идей, а также прошлого, настоящего и будущего. Одним из результатов смешения общественных потребностей в историческом фундаменте и нужды государства в поддержании целостности общества становится создание исторических музеев, которые, в свою очередь, являются одним из институтов общественной коммуникации, формируют и поддерживают идею о национальной идентичности, трактуя исторические события прошлого. Наличие истории, приемлемой для граждан, той истории, с которой они могли бы себя отождествить, которая объяснила бы исторические причины текущего состояния общества, а также вектора его развития жизненно важно для любого государства. Для этого оно обращается к исторической памяти и стремится всячески воздействовать на нее, в том числе и через музеи. «Историческая память общества моделируется по различным шаблонам, выработанным властью и оппозицией на протяжении многих десятилетий национальной истории» [4. Р. 63], – утверждает Т.А. Булыгина в одном из исследований исторической памяти в России.

Музеи являются важным элементом государственного моделирования исторической памяти, тем местом, где государство произносит свой исторический дискурс, свое видение событий прошлого, которые являются важными вехами в формировании и развитии общества. Музеи, таким образом, – это рупоры государственной позиции в отношении событий прошлого. В.И. Мажников напрямую связывает изучение исторической памяти с «...потребностью государства, властвующей политической элиты в активизации воздействия на массовое общественное сознание» [6. Р. 8], а Л.П. Репина утверждает, что «политическое манипулирование исторической памятью является мощным средством управления сознанием человека и общества, конструированием приемлемых версий исторической памяти заняты не только официальные власти, но также оппозиционные силы и различные движения» [8. Р. 444].

Однако, соотнося последнее утверждение Л.П. Репиной с музейной тематикой, важно отметить, что оппозиционные взгляды на историю нечасто находят свое воплощение в музейных дискурсах. Внутриполитические цели воздействия на историческую память сосуществуют с внешнеполитическими декларациями государственного отношения к мировой истории и межгосударственным отношениям. Яркой иллюстрацией этого утверждения может служить длительное противостояние России и Польши на почве видения истории Второй мировой войны официальными лицами двух государств. Здесь для нас важно отметить, что как в России, так и в Польше существует множество музеев на соответствующую тематику, но исторический дискурс в них диаметрально противоположен по некоторым вопро-

сам, имеющим отношение к национальной идентичности и ролям государств в этом конфликте.

Музей как инструмент для трактовки истории

События, интерпретируемые в музейном дискурсе, могут иметь различный характер, но объединяет их то, что в исторической памяти современников они ассоциируются с общностью прошлого и его влиянием на настоящее и будущее. Современные посетители музеев могут увидеть ход истории общества внутри небольшого музейного пространства, убеждаясь в правильности пути, который был избран предыдущими правителями, либо в его ошибочности. Так или иначе музеи легитимизируют текущее положение дел, обуславливая его событиями прошлого. Будучи санкционированы государством, очевидно, что их дискурс приемлем для текущей политической конъюнктуры. Континуальность истории воплощает себя в музеях, посвященных событиям героическим, таким как победа в войне или освобождение от захватчиков (Центральный музей Великой отечественной войны, музей Отечественной войны 1812 года), событиям трагического характера, которые связаны с поражениями нации (разнообразные музеи советской оккупации в странах бывшего СССР, музей Варшавского восстания в Польше). Событий, связанных с преступлениями государства (Еврейский музей в Берлине и мемориал памяти Холокоста, Музей истории ГУЛАГа в Москве).

При этом не столько важно, какой характер событие, которому посвящен музейный дискурс – победный или пораженческий, главное что национальная память всегда стремится трактовать эти события «героически», а музей, собственно, и является одним из инструментов для такой трактовки. Государственные победы в музее экзальтируются, а позор поражения обращается в героизм и «жертвенность» народа.

Музеи также играют очень важную роль для преодоления национальных травм, если события, послужившие тому причиной, в должной степени раскрыты. Если общество и государство осознает ошибки прошлого, всесторонне и в достаточно объективной степени их освещает, то травматические события – даже самые страшные, входя таким образом в национальное сознание, могут быть преодолены (Ассман). Музей в данном случае – инструмент избавления общества от «страдания», которое носит исторический отпечаток. Примерами могут служить Цицернакаберд в Армении, Еврейский музей в Берлине, Музей гражданской войны в г. Теруэл в Испании, а также множество экспозиций, посвященных этой тематике, в других исторических музеях Испании.

Общегосударственное и локальное в музейных дискурсах

Определенная ангажированность музейных дискурсов может проявляться в том, как демонстрируется соотношение общегосударственного и регионального в разных аспектах исторического развития общества. Причем проявляться это может в обе стороны. Иногда, во имя идеи об общенацио-

нальном, государственном и. т.п., возвышается образ единой нации, который либо фактически исключает присутствие других этносов в ее составе, либо снижает значимость их влияния на процесс формирования этой демонстрируемой общей для всех национальности. Бывает и наоборот, когда стремление к выделению этического своеобразия, *отличности от*, подчеркивает локальные особенности и возвышает их над общегосударственными.

Огромное количество музеев и музейных дискурсов являются яркой иллюстрацией противоборства или, наоборот, гармоничного сожительства представлений о локальной и национальной идентичности. Так, Шнирельман В.А. упоминает Национальный музей Мадрида, который демонстрирует традиционную крестьянскую культуру как «испанскую», не упоминая о существенной разнице в регионах, тем самым подчеркивая единство испанской нации [9. Р. 15]. Однако, если мы отправимся в регионы Испании, то увидим там примеры противоположные. Так, интерпретационный центр Son Real на о. Майорка (Балеарские острова) показывает крестьянскую жизнь майоркинцев с ее особенным укладом, специфической трудовой деятельностью по ведению хозяйства, традиционные одежды и кулинарию острова, не стремясь при этом к включенности в «общеиспанские» крестьянские традиции.

Период деколонизации середины XX века, затронувший огромное количество территорий преимущественно Африки и Азии, ставил перед новообразовавшимися государствами важную идеологическую задачу: требовалось создать национальную идентичность, отыскав в общем прошлом нечто, что могло бы сплотить зарождающуюся нацию. Одними из мест для создания исторического фундамента стали музеи. Музей Нигерии, открытый в Лагосе в 1957 г., незадолго до официального обретения независимости, был задуман как раз для реализации этой цели. Он был тем местом, которое объясняло бы посетителям, нигерийцам, об их общем прошлом, легитимизируя таким образом текущий политический строй и территориальные границы. На этикетках музея появлялись не названия племен, откуда происходили данные экспонаты, а только современные названия городов и поселков. Причина, по которой музей намеренно не упоминал названия племен, – стремление к искоренению трайбализма. Таким же образом музеи Нигерии экспонировали предметы древних цивилизаций, населявших территорию современного государства, не как наследие определенного региона, а как общенигерийское [11. Р. 172].

Музей как место конструирования образов

Музеи – один из наиболее пригодных инструментов конструирования исторической памяти: они удачно сочетают в себе необходимые для этого свойства. Как удачно заметил В. Н. Бадмаев ««...Историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании. Ей свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого» [2. Р. 78] – и здесь музеи являются находкой, поскольку в самой их концепции заложены элементы эмоцио-

нального восприятия на зрителя. Музей допускает сочетание художественного и документального, вымысла и реальности. В исторических музеях, рядом с саблей, когда-то принадлежавшей солдату, который сражался с ней в бою, может находиться картина батального жанра, панорама того боя, в котором, вероятно, этот солдат участвовал. Но панораму мог написать художник, никогда не видевший ни данного сражения, ни вообще какой-либо битвы, да еще и спустя несколько десятилетий после фактических событий. Таким образом, материальный предмет, имеющий непосредственное отношение к эпохе, утратив свою первоначальную функциональную ценность и приобретая ценность в качестве исторического материала, соседствует с художественным изображением, созданным, в лучшем случае, при помощи исторических консультантов, которые имелись у художника, что вряд ли может верифицировать полотно.

Важной частью экспозиции современных музеев служат документальные фильмы и презентации, которые, используя визуальные и аудиотехнологии, дополняют музеологический дискурс и позволяют дополнить образность посещения. М. Асенцио и Э. Пол указывают, что «монтаж имеет непосредственное влияние на конструирование образов, внутренней репрезентации, последствий и эпизодов, ментальных сценариев, которые обрамляют и упрощают понимание определенных феноменов и концептов» [10. Р. 23]. Некоторые музеи идут дальше и с помощью театральной декораций, звуковых, визуальных технологий позволяют посетителю ощутить себя на поле боя или под бомбардировкой. Музей современной истории России, например, оборудован отдельным небольшим залом, декорированным под окопы времен Первой мировой войны, для посетителей доступны бинокляры, в которых показываются динамические панорамы мест сражений. Музеализация позволяет посетителям глубже окунуться в события, которым посвящен дискурс, приблизиться к ощущению того же опыта, который испытывали непосредственные участники событий. Но, с другой стороны, такой подход противоречит историографическим принципам, основывающимся на объективности и стремлении к отказу от эмоций.

Музей как инструмент коммуникации между историками и обществом

Хотя мы и говорим о наличии эмоционального элемента в конструкции исторической памяти и его противоречии историографическим принципам, не стоит забывать и о том, что музеологический дискурс конструируется на основе вполне конкретных исторических знаний. При прочих идеальных условиях та информация, что послужит основой для создания музейного дискурса, послания публике – получена из обширных знаний, выработанных историками, специализирующимися на определенной тематике. Музеи стремятся сконструировать сообщение, в котором содержится объяснение причин и последствий исторических событий, а также их общий ход.

Но и здесь есть оборотная сторона, связанная с множеством ограничений, наложенных на музееведческий дискурс. Историческое знание, которым обладают музеологи и историки, создающие музей, гораздо значительнее и обширнее, чем та информация, которая может быть умещена в музей. Кроме того, историческое знание, набор исторических фактов и их трактовок, велики, и их восприятие человеком неподготовленным может быть крайне затруднено. Ведь не стоит забывать, что исторические музеи создаются для того, чтобы они могли быть поняты самой обширной аудиторией, а не только профессионалами своего дела. Поэтому экспозиция музея, созданная историками, всегда включает в себя лишь определенный срез исторического знания, которое у них имеется. Это историческое знание должно быть опосредовано для того, чтобы предоставить самой широкой публике возможность воспринять информацию, не перегружая публику огромным количеством фактов, дат, наименований, текстов, запомнить которые не удастся. Изобилие информации, чрезмерная научность, нерекреационный характер музейного дискурса значительно снижает уровень его восприятия. А с другой стороны – упрощение и сжатие исторического знания не позволяет отразить огромное количество нюансов, неминуемо связанных с любым историческим процессом. Риск чрезмерного упрощения истории может вылиться в то, что посетитель сконструирует иной, надуманный, слишком отличный от исторически принятого и тем более от реального образ событий или эпохи.

Канонизирующая и коммеморативная функции музея

Исследователи выделяют музеи как места коммеморативных практик, указывая на то, что актуализацией исторической памяти, они тем самым выполняют эту роль коммеморации. Т.е, строя дискурс, музеолог и историк тем самым выделяют определенные события из общей сферы исторических знаний, придавая им особую значимость для общества. Музей таким образом является инструментом скрепления общества посредством целенаправленного воспоминания и актуализации, он стремится включить музейный дискурс в функциональную память общества. Наличие музея, посвященного определенной исторической тематике, вносит вклад в канонизацию события. Музей исторический, несмотря на всю возможную опосредованность его дискурса, одним своим существованием включает событие или эпоху в активную память общества, которое, таким образом, берет на себя обязательство вновь и вновь размышлять и истолковывать эту эпоху, событие или историческую фигуру.

Культурные артефакты, сохраненные и истолкованные в музее, постоянное к ним обращение со стороны общества, приводят к тому, что событие, эпоха или историческая фигура, связанная с данными артефактами, не становятся чуждыми для общества с течением времени и не забываются с исчезновением социальной памяти, а ревитализируются в современности, проявляясь в различных сферах общественной жизни.

Функция забвения

Обратной стороной коммеморации выступает забвение. Музей, одновременно с тем, как включает некоторые исторические элементы в память сообщества, исключает другие. Поводов для этого множество, но все их можно охарактеризовать конъюнктурными политическими и общественными соображениями. Иногда причина – события крайне травматические для текущего общества, в другой раз – постыдные страницы в истории, а порой – стремление скорректировать историю, чтобы вычеркнуть из нее нестыкующиеся с текущим политическим курсом элементы. Примеров тому множество: экспозиция национального музея Туркменистана в Ашхабаде не включает в себя залов, которые были бы посвящены эпохе СССР [5. Р. 142]. В эпоху ГДР Пергамский музей при составлении нумизматической коллекции исключил монеты времен Третьего рейха [9. Р. 18]. В постсоветский период, в различных странах бывшего СССР были созданы музеи оккупации (Музей оккупации Латвии, Музей советской оккупации в Киеве, Музей оккупации в Таллине, Музей советской оккупации в Тбилиси). Как ясно из названия, экспозиция музея состоит из документов и материалов, негативно трактующих советский (в случае с Эстонией – еще и германский) период государственности. Общей чертой данных музеев является то, что они характеризуют советский период исключительно с негативной стороны, напрочь забывая, что местные (национальные) политические деятели принимали участие в формировании и поддержании советского строя.

Заключение

Все вышеперечисленные аспекты функционирования музея оказывают непосредственное влияние на мысли и образы посетителей музеев, на то, какие именно представления о историческом прошлом будут сформированы. Были выявлены различные функции музея в его отношении к формированию исторической памяти. Прежде всего – это влияние государства на функционирование музеев. Это влияние сопровождало музеи с момента их зарождения и до нынешних дней. Затем выделим тот факт, что музеи выступают как инструмент трактовки исторического знания, выступая посредниками между историческим научным сообществом и целым обществом, позволяя одним коммуницировать с другими. Музеи, предоставляя возможность сочетать реальное и художественное, выступают важным инструментом формирования образности. Они оказывают эмоциональное воздействие на посетителя, чего, однако, сторонится историческая наука, стремящаяся обособиться от эмоций и говорящая на языке сухих фактов. Музей – это место коммеморации, институт, который включает в функциональную память общества определенные исторические события, провозглашая их важными для данного сообщества. Но также музей, являясь инструментом трактовки истории, склонен к освещению одних событий, делая их более значимыми в глазах современников, и забвению других, порой нелицеприятных или неудобных для текущей конъюнктуры.

юнктуры событий, тем самым открывая возможность для искажения исторической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика // Библиотека журнала «Неприкосновенный запас».
- [2] *Бадмаев В.Н.* Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). С. 78–84.
- [3] *Беззубова О.В.* Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры. // Триумф музея. СПб., 2005. С. 6–27.
- [4] *Булгыгина Т.А., Кожемяко Т.Н.* Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI веках // Северо-Кавказский федеральный университет. 2012. № 6. С. 63–76.
- [5] *Демидов С.М.* Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002.
- [6] *Мажников В.И.* Историческая память о Сталинградской битве как фактор формирования межнациональной толерантности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2013. № 1 (23). С. 8–13.
- [7] *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, С. 17–50.
- [8] *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания // 4-е изд., стер. М.: Издательство Юрайт, 2019.
- [9] *Шнирельман В. А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение № 4, 2010. С. 8–26.
- [10] *Asensio M., Pol E.* La comprensión de los contenidos del museo // Iber: Didáctica de las ciencias sociales. 1998. Vol. 15. P. 15–30.
- [11] *Willett F.* Museums: two case studies of reaction to colonialism // The politics of the past. P. 172–188.

REFERENCES

- [1] *Assman A.* Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika // Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas».
- [2] *Badmaev V.N.* Mental'nost' i istoricheskaja pamjat' // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2012. № 1 (13). P. 78–84.
- [3] *Bezzubova O.V.* Nekotorye aspekty teoreticheskogo osmyslenija muzeja kak fenomena kul'tury // Triumf muzeja. SPb., 2005. P. 6–27.
- [4] *Bulygina T. A., Kozhemjako T. N.* Istoricheskaja pamjat' i jubilei v Rossii v XX–XXI vekah // Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet. 2012. № 6. P. 63–76.
- [5] *Demidov S.M.* Postsovetskij Turkmenistan. M.: Natalis, 2002.
- [6] *Mazhnikov V. I.* Istoricheskaja pamjat' o Stalingradskoj bitve kak faktor formirovaniya mezhnacional'noj tolerantnosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. 2013 № 1 (23). P. 8–13.
- [7] *Nora P.* Problematika mest pamjati // Francija-pamjat'. Per. s fr.: Dina Hapaeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. P. 17–50.
- [8] *Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Ju.* Istorija istoricheskogo znaniya // 4-e izd., ster. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2019.
- [9] *Shnirel'man V. A.* Muzej i konstruirovanie social'noj pamjati: kul'turologicheskij podhod // Jetnograficheskoe obozrenie № 4, 2010. P. 8–26.
- [10] *Asensio M., Pol E.* La comprensión de los contenidos del museo // Iber: Didáctica de las ciencias sociales. 1998. Vol. 15. P. 15–30.
- [11] *Willett F.* Museums: two case studies of reaction to colonialism // The politics of the past. P. 172–188.

Some aspects of museums influence on the formation of historical memory

G.I. Dyndar, E.A. Popova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Russia, Miklukho-Maklaya str., 6

Museums are one of the most complex institutions of our time, which concentrate the implementation of many functions. One of them could be described as the formation of historical memory. The implementation of this function is associated with many aspects of a heterogeneous nature. The purpose of this article is to reveal these aspects. What was written in this article should be primarily attributed to historical museums, since they are precisely those institutions that are most closely interconnected with the concept of historical memory and historical knowledge. The aspects of historical memory formation discussed in this article will be described in the memory studies paradigm.

Key words: historical memory, museum, museums and memory

Информация об авторах / Information about the authors

Дындарь Глеб Игоревич – студент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Gleb Dyndar – Master student of the program “Cultural Heritage: Research and Management” of the Department of World History Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: glbdndr@gmail.com

Попова Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН

Elena A. Popova – PhD (in History), Associate Professor of the Department of World history, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: e-popova@yandex.ru

Для цитирования / For citation

Дындарь Г.И., Попова Е.А. Некоторые аспекты влияния музеев на формирование исторической памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 72–80. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-72-80>

Dyndar G.I., Popova E.A. Some aspects of museums influence on the formation of historical memory // *RUDN Journal of World History*. 2020. Т. 12 № 1. P. 72–80. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-72-80>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 25.03.2020

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ IBEROAMERICAN STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-81-91

Научная статья

Вторая гаванская декларация как политический манифест социалистического этапа кубинской революции

А.А. Лепешкин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991

Вторая Гаванская декларация от 4 февраля 1962 года является программным документом социалистического этапа Кубинской революции. Без ее исторического анализа невозможно в полной мере оценить своеобразие перехода Кубы к социализму, а также понять становление принципов революционного интернационализма в истории Кубинской революции. Однако специальные исследования этого вопроса в отечественной историографии фактически отсутствуют. Автор поставил цель выяснить роль Второй Гаванской декларации в становлении социалистической идеологии на Кубе в конкретных условиях первой половины 60-х годов XX века, а также роль внешней политики США и VIII консультативного совещания министров иностранных дел Организации американских государств (ОАГ), которое состоялось в январе 1962 года, в радикализации Кубинской революции.

Ключевые слова: Кубинская революция, Фидель Кастро, ОАГ, антиимпериалистическая борьба

Большой интерес для изучения идеологии Кубинской революции, ее места в мировом освободительном движении представляет исследование Второй Гаванской декларации от 4 февраля 1962 года. В отечественной историографии эта тема практически не исследована. Единственное исключение – статья К. Тарасова «Гаванская декларация – призыв к борьбе против империализма» [1]. Однако основное внимание автор уделил складывавшейся в Латинской Америке революционной ситуации и социально-экономическим противоречиям региона.

© Лепешкин А.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Это обстоятельство, а также актуальность исследования определяют интерес автора к теме. Поскольку текст Второй Гаванской декларации, опубликованный на русском языке в начале 1960-х годов [2. С. 773–812], был издан с купюрами, автор использовал оригинальный текст документа на испанском языке [3. Р. 37–77].

По мнению видного теоретика Компартии Кубы Карлоса Рафаэля Родригеса, 13 октября 1960 года – рубеж, когда страна необратимо встала на путь социалистических преобразований [4. Р. 140–141]. В этот день в ответ на заявление правительства США о намерении «с минуты на минуту» ввести полную торговую блокаду Кубы [5. Р. 43] революционное правительство национализировало 383 стратегические компании, принадлежавшие североамериканскому капиталу, и всю банковскую сеть страны [5. Р. 55], что покончило с господством иностранного капитала.

После этого Вашингтон приступил к непосредственной подготовке вооруженной интервенции. Уже 3 января 1961 года Эйзенхауэр разорвал дипломатические отношения с Гаваной [5. Р. 46], а вице-президент Ричард Никсон заявил: «Мы должны сделать с Кубой то, что сделали с Гватемалой» [6. С. 71].

История контрреволюционного десанта 17 апреля 1961 года на Плайя-Хирон хорошо известна и подробно описана в литературе. Бдительность береговой охраны, стремительность удара Повстанческой армии, мобилизация всего народа на защиту революции обеспечили победу в течение 72 часов. В общей сложности 1179 интервентов (из 1500) взяли в плен и отдали под суд, остальные спаслись бегством или погибли в бухте с символическим названием – Залив свиней [7. Р. 133]

Вооруженная агрессия позволила Фиделю Кастро провозгласить социалистический характер революции: «Товарищи рабочие и крестьяне, наша революция – это социалистическая, демократическая революция обездоленных, совершенная обездоленными для обездоленных. За нее мы готовы отдать жизнь!» [2. С. 38]. Момент был кристально ясен. Наемники, обещавшие «освобождение», приближались. У кубинского народа был выбор. Он предпочел защиту социалистической революции. «Хирон ускорил революционный процесс» [8. С. 298], – уже много лет спустя подтвердил Фидель Кастро. Победа народа подняла на небывалую высоту международный авторитет Кубы и во многом предопределила ее роль как одного из лидеров мирового антиимпериалистического движения.

Небывалое унижение разожгло желание Вашингтона покончить с Кубой. Джон Кеннеди поклялся удвоить усилия США в борьбе с коммунизмом [9. С. 412]. Во второй половине 1961 года ЦРУ подготовило новый план широкомасштабной антикубинской операции – «Мангуста». Упор перенесли на заброску небольших, но хорошо вооруженных и обученных диверсионных групп. По всему острову запылали плантации сахарного тростника, по-

стройки в кооперативах, загремели взрывы на заводах [9. С. 424–425]. На Кубе эту тактику назвали «грязной войной».

На пути Соединенных Штатов стояли латиноамериканские страны, продолжавшие поддерживать дипломатические и торговые связи с Кубой. Поэтому ключевой целью США стало создание единого антикубинского фронта латиноамериканских государств [10. С. 91–92]. Для этого с 22 по 31 января 1962 года в уругвайском городке Пунта-дель-Эстэ созвали VIII консультативное совещание министров иностранных дел ОАГ [5. Р. 96].

Кубинскую делегацию возглавил президент республики Освальдо Дортикос. В своей трехчасовой речи он показал, что главной целью совещания является не консультация министров, а изоляция Кубы и подготовка новой интервенции. Дортикос демонстрировал документальные фильмы, фотографии и магнитофонные записи, они свидетельствовали о шпионской деятельности американской разведки на территории Кубы и о подготовке покушений на Фиделя и Рауля Кастро. «Почему же вы тогда не поднимаете тревогу, господа министры?» – спрашивал глава кубинской делегации. «И разрешите мне, – продолжал он, – яростные поборники демократии и мира, квалифицировать ваше международное поведение. Это цинизм, господа министры!» С непередаваемым сарказмом бросал он в зал: «Мы за год ликвидировали неграмотность. По мнению инициаторов совещания, это угрожает безопасности континента» [11].

Делегации США кубинский президент заявил, что «национальной независимости и миру стран континента угрожает не кубинская республика, а американский империализм, угнетающий народные массы и пытающийся удержать свое влияние в зависимых странах». Представителей Латинской Америки он заверил, что «Куба уважает экономические и социальные режимы других стран континента и требует уважения избранного ею пути». Что касается стран социализма, то «Куба не помышляет о прекращении связей с социалистическими странами – она будет всячески укреплять эти отношения, построенные на основе дружбы и взаимного уважения». Освальдо Дортикос был непреклонен: «Какие бы санкции ни были приняты против Кубы на этом совещании, кубинский народ будет не на жизнь, а на смерть бороться за свободу и независимость с любым врагом, каким бы сильным он ни был» [12].

Последним козырем делегации США под руководством Дина Раска стала «угроза коммунизма», она позволила сформулировать так называемую доктрину несовместимости. Суть ее выражена в Резолюции № 6: «Приверженность какого-либо члена ОАГ идеям марксизма-ленинизма несовместима с пребыванием в межамериканской системе» [10. С. 92]. Лишь после этого Соединенные Штаты добились исключения Кубы из ОАГ. Им удалось собрать 14 голосов: собственный, Доминиканской Республики, Гватемалы, Венесуэлы, Колумбии, Гондураса, Сальвадора, Никарагуа, Панамы, Перу, Парагвая, Коста-Рики, Уругвая и Гаити [7. Р. 237–240]. В итоге Куба была

исключена из ОАГ, хотя эти страны представляют лишь 1/3 населения Латинской Америки, а исключение не предусмотрено ее уставом.

Голоса добывались всеми возможными способами. В одном из номеров газеты «Диа» вышла новость: «Посол Моррисон представил отчет о расходах за день: завтрак – 1,5 доллара; такси утром – 2 доллара; второй завтрак – 2,5 доллара; такси днем – 3 доллара; обед с министром иностранных дел Гаити – 5 000 000 долларов» [13. С. 147]. Речь идет о представителе США в ОАГ Д. Моррисоне и о взятке представителю Гаити за его голос. «Так только совращали Иуду, продавшегося за 30 сребренников» [10. С. 185], – прокомментировало подобные действия правительство СССР.

Несомненно, США рассчитывали на исключение Кубы единогласным решением, но умелая игра кубинской делегации на межамериканских противоречиях расколола стан латиноамериканских государств. Они также страдали от диктата США и по части вопросов были солидарны с Кубой. Единый антикубинский фронт создан не был.

К тому же Кубе симпатизировали народы Америки. В Монтевидео состоялось около 80 выступлений студентов и трудящихся против исключения Кубы, прошел молодежный поход протеста в Пунта-дель-Эсте. А представитель Боливии откровенно объяснил, почему он воздержался при голосовании: «Если бы я голосовал за исключение Кубы, то я не смог бы вернуться на родину. Ибо меня повесили бы на первом телеграфном столбе» [14. С. 63].

На совещание в Пунта-дель-Эсте Куба ответила Второй Генеральной национальной ассамблеей народа. Она открылась в Гаване 4 февраля 1962 года в 15 часов 45 минут. Два миллиона кубинцев прибыли со всего острова, заполнили подножие памятника Хосе Марти на площади Революции и прилегающие улицы. Повсюду гремели революционные песни, развевались десятки тысяч знамен и транспарантов. Кубинцы дружно скандировали: «Куба – да, янки – нет!», «Мы социалисты, вперед, вперед, вперед!», «С ОАГ или без ОАГ – мы выиграем битву!». Ассамблея открылась пением гимна Кубы [15].

Затем Освальдо Дортикос рассказал о борьбе на конференции в Пунта-дель-Эсте и предупредил, что, хотя США не достигли всех своих целей, народ Кубы должен быть готов к усилению блокады и новому витку агрессии. Закончил он словами: «Родина или смерть!» [16]. Вслед за президентом к народу обратился Фидель Кастро. Он выразил уверенность в солидарности с Кубой всех латиноамериканцев и перешел в наступление: «Мы готовы ко всему, что может случиться, не испытывая ни малейшего страха. Но пусть тогда империалисты также будут готовы ко всему! Пусть империалисты привыкают к мысли, что то, что для них так ужасно, чего они так боятся, что вызывает у них бессонницу и что именуется революцией эксплуатируемых империализмом народов, – это должно неизбежно произойти и у них согласно неумолимому закону истории!» [2. С. 620].

Затем, от имени революционного правительства, команданте зачитал и вынес на голосование Вторую Гаванскую декларацию. Она представляет собой масштабный политический манифест и содержит много важных для понимания Кубинской революции идей. В кратком очерке мы остановимся лишь на основных.

Вторая Гаванская декларация обозначила всю глубину противоречия между Кубой и США в Пунта-дель-Эстэ. Характер этого противоречия межформационный, так как Куба выступала «за социализм», а США «за капитализм» [3. Р. 55–56]. Куба открыто отнесла себя к социалистическому содружеству и противопоставила капиталистическому миру. «Капиталистическая система производства, как только она дала все, на что она способна, – говорилось в декларации, – превратилась в колоссальное препятствие для развития человечества» [3. Р. 43]. Этим классовым антагонизмом объясняет она борьбу против Острова Свободы: «Это не страх перед Кубинской революцией, это страх перед латиноамериканской революцией» [3. Р. 45].

Декларация дала не только общую характеристику капитализма, но определила современную эпоху как империалистическую. Она объясняет основные черты современного империализма, так, декларация обосновывает главную особенность современной эпохи – господство финансового капитала; основной источник дохода империалистических государств – его вывоз; основное содержание империалистической политики – борьба за экономический и политический передел земного шара [3. Р. 42–43]. Таким образом, теоретической основой Второй Гаванской декларации стала ленинская теория империализма, что отвечало содержанию социалистического этапа Кубинской революции.

Авторы декларации подчеркнули единство Кубы с эксплуатируемыми странами третьего мира: «Что такое история Кубы, если не история Латинской Америки? А что такое история Латинской Америки, если не история Азии, Африки и Океании? А что такое история всех этих народов, если не история самой грубой и жестокой эксплуатации всего мира империализмом?» [3. Р. 39]. Народам третьего мира декларация определила решающую историческую роль. Их борьба должна ознаменовать «последний кризис империализма» [3. Р. 45].

Впоследствии Эрнесто Че Гевара сформулировал положение о перемещении центра мирового революционного движения: «Каково главное противоречие современной эпохи? Если бы это было противоречие между социалистическими и империалистическими странами или между империализмом и рабочим классом его стран – роль так называемого третьего мира действительно была бы намного меньшей, чем на самом деле. Однако существуют с каждым днем все более веские аргументы для того, чтобы считать, что главным является противоречие между эксплуатирующими нациями и эксплуатируемыми народами» [17. Р. 249]. Эта идея определила деятельную

интернациональную помощь Кубы освободительным движениям стран третьего мира и стала одной из основных причин разногласий с Москвой.

Авторы документа анализировали расклад классовых сил в назревающей латиноамериканской революции. Крестьянство (к которому декларация относит также батраков) составляет «подавляющее большинство населения» и представляет «гигантскую потенциальную революционную силу» [3. Р. 70–71]. Безземелье и сильнейшая эксплуатация толкает его на путь революционной борьбы.

Но без политического руководства со стороны рабочего класса и интеллигенции крестьянство победить не сможет [3. Р. 70]. Пролетариат – класс, «изменивший ход истории» и «авангард всех униженных и эксплуатируемых», должен сыграть решающую роль в революционной борьбе. Интеллигенции империализм не может предложить ничего, кроме «серой и бесперспективной жизни, губящей всякое вдохновение и не дающей возможности свести концы с концами», самое большее – поставить ее «полностью на службу себе» [3. Р. 64–65]. Поэтому из среды ее лучших представителей также выходят руководители революционной борьбы.

Роль национальной буржуазии в революции ничтожна – ее сковывает страх перед возможностью перерастания революции в социальную, и его еще более усилила Кубинская революция. «Когда буржуазия оказывается перед выбором: империализм или революция, то только наиболее прогрессивные ее слои встают на сторону народа» [3. Р. 70–71].

Кроме классового во Второй Гаванской декларации выделен национальный аспект социального протеста в Латинской Америке. В революцию втягиваются бесправные индейцы, представляющие «подобно Кордильерам становой хребет всего американского континента», метисы, чье положение мало чем отличается от положения индейцев, негры и мулаты, лишённые образования и культуры и обреченные на «самую грязную» работу [3. Р. 61–64]. Вывод авторов декларации: «В антиимпериалистическую и антифеодалную борьбу можно вовлечь подавляющее большинство народа» [3. Р. 72].

В прямое противоречие с позицией советского руководства вошло утверждение Второй Гаванской декларации о невозможности завоевания мирным путем власти, «которую монополии и отечественные олигархии защищают огнем и мечом с помощью полиции и армии» [3. Р. 73]. Еще более определенно выразил эту мысль Эрнесто Че Гевара в том же 1962 году. Поставив вопрос о завоевании власти путем выборов, он категорически отвечает: «...в подавляющем большинстве случаев это невозможно». И особенно в Западном полушарии: «Америка – это плацдарм североамериканского империализма». Он выразил общую позицию кубинских революционеров: «...решимость достичь более справедливой общественной системы должна заставить нас думать, главным образом, о вооруженной борьбе» [18. С. 285–287].

Гаванская декларация буквально дышит верой в революционные силы, в ней явно слышны отзвуки апрельской победы на Плайя-Хирон: «Что показывает Кубинская революция? Она показывает, что революция возможна...» [3. Р. 69]. С призывом обращается она к единомышленникам в Латинской Америке: *«Долг каждого революционера – делать революцию»* (курсив авт.). Известно, что на американском континенте и во всем мире революция победит, но революционер не может сидеть дома и смотреть, как мимо него пронесут труп империализма» [3. Р. 73–74].

Генеральная национальная ассамблея с воодушевлением поддержала Вторую Гаванскую декларацию, в голосовании также участвовали представители других стран континента, прибывшие на Кубу на конференцию народов Латинской Америки. Завершилась ассамблея исполнением Интернационала [16].

Гаванская декларация встретила сочувствие латиноамериканцев. В Лиме депутат парламента Карлос Виале потребовал отставки министра иностранных дел Альварадо Гарридо, послужившего «послушным орудием Соединенных Штатов на совещании в Пунта-дель-Эстэ». Председатель Федерации студентов Перу Макс Эрнандес, только вышедший из тюрьмы, заявил, что «Вторая Гаванская декларация, принятая на второй Генеральной Национальной ассамблее народа Кубы, мобилизует латиноамериканские народы на борьбу за национальное освобождение» [19].

Чилийские профсоюзы и Комитет солидарности с Кубой объявили о созыве латиноамериканской конференции солидарности с Кубинской революцией, «указавшей путь, по которому очень скоро пойдут остальные латиноамериканские народы» [20]. «Решительную солидарность» с народом Кубы выразило даже молодежное крыло правительственной Радикальной партии, заявив на митинге, что «существование где-либо иной социально-экономической системы не может служить препятствием для сосуществования и сотрудничества наций во всем мире» [19].

Эквадорские профсоюзы провели акции солидарности с народом Кубы и призвали «удвоить борьбу против североамериканского империализма и местных олигархий, соревнуясь в героизме с кубинским народом» [19].

Всемирная федерация профсоюзов направила телеграмму генеральному секретарю Профсоюзного центра трудящихся Кубы Ласаро Пенья со словами поддержки Второй Гаванской декларации: «Трудящиеся и народы Латинской Америки, трудящиеся и народы всех континентов – на стороне рабочего класса и народа Кубы» [21].

Вторая Гаванская декларация, поддержанная народом Кубы, стала ярким документом социалистического этапа Кубинской революции. Че Гевара назвал ее «Коммунистическим манифестом нашего континента и нашей эпохи» [18. С. 258]. Внимательное изучение декларации показывает предвзятость концепций авторов (А. Вальядарес, Х. Томас и др.), доказывающих,

что социалистический выбор и «марксистская доктрина» были навязаны кубинскому народу [22. С. 39–40].

Социализм действительно не был лозунгом революционной Кубы на первых порах социально-экономических преобразований, а социалистический характер революции Фидель Кастро провозгласил два с лишним года спустя после победы Повстанческой армии. С одной стороны, перед кубинским народом стояли в первую очередь демократические и антиимпериалистические задачи, которые не были связаны напрямую со строительством социализма. С другой, массы, в большинстве своем, находились под глубоким идеологическим влиянием США, которое долгие годы осуществлялось через радио, телевидение и печать, и были заражены антикоммунистическими предрассудками [22. С. 200–201]. Политическая активность масс росла, но, как говорил Фидель Кастро, это была еще «инстинктивная борьба людей, ненавидевших систему, но не понимавших ее теоретического существа» [23. С. 411]. Кропотливая пропагандистская работа, разъяснение азбучных истин марксизма и активное участие народа в революционных преобразованиях способствовали быстрому идейному росту трудящихся. «Суть дела в том, – вспоминал Фидель Кастро, – что антикоммунизм существовал лишь на поверхности. Он основывался на невежестве людей. А социалистические и коммунистические убеждения опираются на знания, на политическую грамотность» [23. С. 409]. Сначала массами двигала ненависть к латифундизму, безземелью, нищете, коррупции и иностранному господству, но по мере развития революции приходило осознание, что глубинной причиной всех бед является определенная экономическая система – капитализм. «Антикоммунизм в ходе этой борьбы развалился как карточный домик. Люди пошли навстречу марксизму и социализму» [23. С. 411]. Вторая Гаванская декларация в полной мере отразила эту характерную черту Кубинской революции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Тарасов К. Гаванская декларация – призыв к борьбе против империализма // Коммунист. 1962. № 4. С. 80–89.
- [2] Кастро Ф. Речи и выступления. 1961–1963 гг. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 816.
- [3] Primera y Segunda Declaración de La Habana. Manifiestos de lucha revolucionaria en las Américas aprobados por el pueblo de Cuba. N.Y.: Pathfinder, 2007. P. 37–77.
- [4] Rodríguez C.R. Cuba en el transito al socialismo. 1959–1963. La Habana.: Departamento de Educación Interna del Comité Central del PCC., 1979. С.168.
- [5] De Eisenhower a Reagan. La política de Estados Unidos contra la Revolución Cubana. / López F., Menéndez L., Mesa L. и др. La Habana.: Editorial de ciencias sociales, 1987. С. 376.
- [6] Цит. по: Мерин Б.М. Свободная Куба. М.: Просвещение, 1964. С. 71.
- [7] El bloqueo a Cuba / Сборник док-тов под ред. León N. La Habana.: Editorial de ciencias sociales, 1983. P. 486.

- [8] Кастро Ф. Рамоне И. Фидель Кастро. Моя жизнь. Биография на два голоса. М.: РИПОЛ классик, 2009. С. 784.
- [9] Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. С. 928.
- [10] Гриневич Э.А., Гвоздарев Б.И. Вашингтон против Гаваны. Кубинская революция и империализм США. М.: ИМО, 1982. С. 216.
- [11] Речь президента Кубы в Пунта-дель-Эстэ // Арх. (досье) ИЛА РАН. 26.01.1962. ДД.РД.21. ПУНТА-ДЕЛЬ-ЭСТЭ /ТАСС/.
- [12] Выступление Дортикоса в Пунта-дель-Эстэ // Арх. (досье) ИЛА РАН. 26.01.1962. МС.ИП.20. ПУНТА-ДЕЛЬ-ЭСТЭ /ТАСС/.
- [13] Цит. по: Хинкл У., Тернер У. Рыба красного цвета. История одной тайной войны. М.: Прогресс, 1983. С. 147.
- [14] Цит. по: Вартанов Г.А. Революционная Куба. Л., 1963. С. 63.
- [15] Вторая Генеральная ассамблея народа Кубы // Арх. (досье) ИЛА РАН. 05.02.1962. МС.РД.58. ГАВАНА /ТАСС/.
- [16] Речь президента Дортикоса на Генеральной национальной ассамблее народа Кубы // Арх. (досье) ИЛА РАН. 06.02.1962. ТМ.НЛ.КР.101. ГАВАНА /ТАСС/.
- [17] Guevara E. Pasajes de la Guerra revolucionaria: Congo. La Habana.: Editorial de ciencias sociales, 2013. P. 249.
- [18] Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М.: Культурная Революция, 2006. С. 632.
- [19] Движение в поддержку Кубы в странах Латинской Америки // Арх. (досье) ИЛА РАН. 07.02.1962. ЕЕ.НЛ.КР.3269.3270.3272. НЬЮ-ЙОРК. /ТАСС/ /
- [20] Заявление единого профсоюзного центра чилийских трудящихся // Арх. (досье) ИЛА РАН. 17.02.1962. ЕЕ.ТМ.РД.4095.4046. ГАВАНА, 16 февраля.
- [21] Телеграмма ВФП кубинским профсоюзам // Арх. (досье) ИЛА РАН. 07.02.1962. ДА.ГА.18. ПРАГА. /ТАСС/
- [22] Бородаев В.А. Кубинская революция и становление новой политической системы. 1953–2006. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 524.
- [23] Кастро Ф. Некоторые аспекты Кубинской революции. // Героическая эпопея. От Монкады до Плайя-Хирон. М.: Политиздат, 1978. С. 399–413.

REFERENCES

- [1] Tarasov K. Havana Declaration – a call to fight against imperialism. *Communist*. 1962; (4): 80–89. (In Russ).
- [2] Castro F. Speeches and Adresses. 1961–1963. Moscow: Foreign Languages Publishing house; 1963. (In Russ).
- [3] Primera y Segunda Declaración de La Habana. Manifiestos de lucha revolucionaria en las Américas aprobados por el pueblo de Cuba. N.Y: Pathfinder; 2007.
- [4] Rodriguez CR. Cuba en el transito al socialismo. 1959–1963. La Habana: Departamento de Educación Interna del Comité Central del PCC; 1979.
- [5] López F, Menéndez L, Mesa L. y etc. De Eisenhower a Reagan. La politica de Estados Unidos contra la Revolución Cubana. La Habana: Editorial de ciencias sociales; 1987.
- [6] Cit. by: Merin VM. Free Cuba. Moscow: Prosveshcheniye; 1964; 71. (In Russ)
- [7] El bloqueo a Cuba / Collection of reports edited by León N. La Habana: Editorial de ciencias sociales; 1983.
- [8] Castro F, Ramonet I. My Life: A Spoken Autobiography. Moscow: Ripol Classic Publishing House; 2009.

- [9] Stone O, Kuznick P. The untold history of the United States. Moscow: KoLibri; 2017. (In Russ).
- [10] Grinevich EA, Gvozdev BI. Washington vs Havana. The Cuban Revolution and US Imperialism. Moscow: IMO; 1982. (In Russ).
- [11] Speech of the President of Cuba in Punta del Este. Archive (dossier) ILA RAS; 01/26/1962 PUNTA DEL ESTE. TASS. (In Russ).
- [12] Adress of Dorticos in Punta del Este. Archive (dossier) ILA RAS; 01/26/1962 PUNTA DEL ESTE. TASS. (In Russ).
- [13] Cit. by: Hincle W, Turner W. The fish is red. The story of the secret war against Castro. Moscow: Progress; 1983.
- [14] Cit. by: Vartanov GA. Revolutionary Cuba. L, 1963.
- [15] Second General Assembly of the People of Cuba. Archive (dossier) ILA RAS. 02/05/1962. HAVANA /TASS/. (In Russ).
- [16] Speech by President Dorticos at the General National Assembly of the People of Cuba. Archive (dossier) ILA RAS; 02/06/1962 HAVANA. TASS. (In Russ).
- [17] Guevara E. Pasajes de la Guerra revolucionaria: Congo. La Habana: Editorial de ciencias sociales; 2013.
- [18] Guevara E. Articles, speeches, letters. Moscow: Cultural Revolution; 2006.
- [19] The movement in support of Cuba in Latin America. Archive (dossier) ILA RAS; 02/07/1962 NEW YORK. TASS. (In Russ).
- [20] Declaration of the unified trade union center of Chilean workers. Archive (dossier) ILA RAS; 02/17/1962 HAVANA, February 16.
- [21] WFTU Telegram to Cuban Unions. Archive (dossier) ILA RAS; 02/07/1962 PRAGUE. TASS. (In Russ).
- [22] Borodaev VA. The Cuban Revolution and the formation of a new political system. 1953–2006. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 2007. (In Russ).
- [23] Castro F. Some Aspects of the Cuban Revolution / Heroic Epic. From Moncada to Playa Giron. Moscow: Politizdat; 1978. (In Russ).

Research article

The Second Declaration of Havana as the Political Manifest of the Socialistic Stage of the Cuban Revolution

A. Lepeshkin

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991

The Second Declaration of Havana ratified on February 4, 1962 is the most important document of the socialistic stage of the Cuban Revolution. The historical analysis of this document is essential to appreciate all the peculiarity of the socialism formation in Cuba and to understand the origin of the principles of the revolutionary internationalism during the Cuban Revolution.

However, investigations, which are dedicated to specifically this issue, does not present in the Russian historiography. The aim of this work is to clarify the role of the Second Declaration of Havana in the process of the socialistic ideology formation in Cuba under specific historical conditions of the first half of the 20th century and also to estimate the impact of the foreign policy of USA and VIII Consultative Meeting of Foreign Ministers of

the Organization of American States (OAS), which took place in January 1962, onto the radicalization of the Cuban Revolution.

Key words: Cuban Revolution, Fidel Castro, OAS, Anti-Imperialistic action

Информация об авторе / Information about the author

Лепешкин Артем Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Artem Lepeshkin – Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, MSU. *E-mail:* gvalalahara2014@gmail.com

Для цитирования / For citation

Лепешкин А.А. Вторая Гаванская декларация как политический манифест социалистического этапа кубинской революции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–91. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-81-91>

Lepeshkin A.A. the Second Havana Declaration as a political Manifest of the socialist stage of the Cuban Revolution // RUDN Journal of World History. 2020. Т. 12. № 1. P. 81–91. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-81-91>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 10.06.2019

ДЛЯ ЗАМЕТОК
